ISSN 0131—5994

РОВЕСНИК

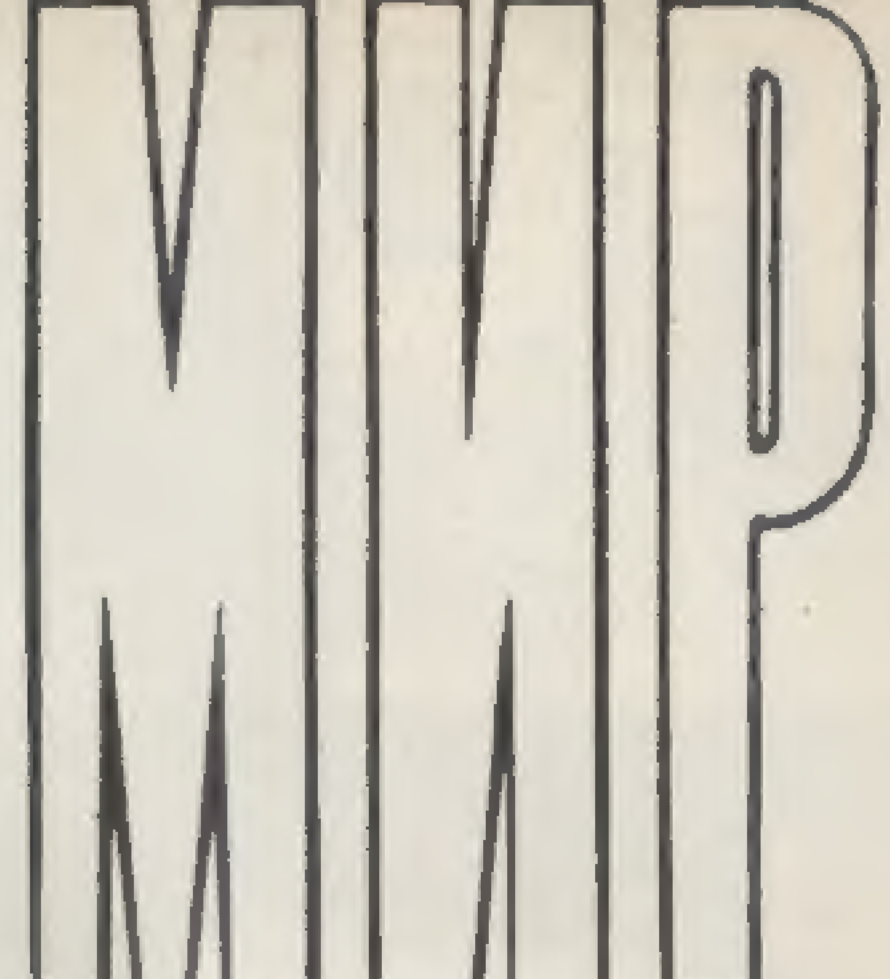
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 2/86
Февраль

25 ФЕВРАЛЯ НАЧИНАЕТ РАБОТУ XXVII СЪЕЗД КПСС

XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза собирается в начале года, провозглашенного мировым сообществом народов Годом мира.

Знаменательное совпадение, скажут одни и будут правы, потому что развернувшееся в канун 1986 года обсуждение партийных документов, которые предстоит принять на съезде, проходило под знаком активной борьбы советских людей за мир, за устранение ядерной угрозы, откуда бы она ни исходила — с земли или из космоса. Эта борьба составляет важнейшее содержание работы партии на международной арене, выражая те чаяния всех без исключения народов, которые нашли отражение в решении ООН объявить 1986 год Годом мира.

Закономерность, скажут другие и тоже будут правы, потому что с Октября 1917 года, с исторического момента провозглашения ленинского Декрета о мире, идея мира без войн и оружия была и остается повседневной и неизменной рабочей идеей партии коммунистов нашей страны. До КПСС, до рождения первого государства трудящихся такого примера последовательной мирной политики история человечества не знала.

Разнообразен и каждый по-своему неоценим вклад народов в развитие цивилизации. Но, бесспорно, останется в истории на века вклад советского народа, вклад КПСС в цивилизацию мира и сотрудничества народов, которая пришла на смену многовековой цивилизации войн и вражды.

Советские люди могут по праву этим гордиться, из поколения в поколение передавая драгоценную память о том, как новорожденная революция обратилась к злобно ощетинившимся штыками, изрытым окопами и разрывами снарядов странам с призывом к справедливому и демократическому миру.

Осенняя Женева прошлого года стала убедительным подтверждением этой памяти, этой верности миролюбивым традициям партии, ее человеколю-

ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕКА

КУРС МИРА И РАЗОРУЖЕНИЯ БЫЛ И БУДЕТ СТЕРЖНЕМ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КПСС И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА. АКТИВНО ПРОВОДЯ ЕГО, СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ГОТОВ К ШИРОКОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ СО ВСЕМИ, КТО ВЫСТУПАЕТ С ПОЗИЦИЙ РАЗУМА, ДОБРОЙ ВОЛИ, СОЗНАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОБЕСПЕЧЕНИЕ БУДУЩЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА — БЕЗ ВОЙН, БЕЗ ОРУЖИЯ.

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС М. С. ГОРБАЧЕВА

бию, ее уважению к интересам всех народов и ответственности за их судьбу.

Встреча на высшем уровне не только положила начало жизненно необходимому диалогу двух великих держав — СССР и США — на основе общего понимания, что ядерная война никогда не должна быть развязана и в ней не может быть победителей, но и раскрыла неисчерпаемые потенциальные возможности утверждения в международных отношениях цивилизации мира, которой чужд эгоизм, стремление к односторонним преимуществам. В историю дипломатии вписано неслыханное доселе слово о незаинтересованности одной великой державы в военном превосходстве над другой великой державой. «Мы не строим свою политику на желании ущемить национальные интересы США,— отмечалось в докладе М. С. Горбачева на сессии Верховного Совета СССР.— Скажу больше: мы, например, не хотели бы изменения стратегического баланса в свою пользу. Не хотели бы потому, что такая ситуация усилит подозрительность другой стороны, увеличит нестабильность общей ситуации».

И это не только слова. За ними — конкретные дела на благо мира, укрепления доверия между народами, простой перечень которых за четыре послевоенных десятилетия занял бы не одну страницу. При этом многие мирные инициативы нашей страны, как, например, обязательство не применять первыми ядерное оружие или действовавший до конца минувшего года и продленный еще на три месяца мораторий на проведение любых ядерных взрывов, носили односторонний характер, осуществлялись, так сказать, в порядке аванса доверия, приглашения последовать примеру СССР в его усилиях, направленных на сохранение мира.

Говоря в интервью американскому журналу «Тайм» о реакции определенных кругов Запада на эти усилия, М. С. Горбачев заметил: «Если уже во всем, что мы делаем, и впрямь видят одну пропаганду, почему бы не ответить на нее по принципу: «око за око, зуб за зуб»! Мы прекратили ядерные взрывы. И вы, американцы, в отместку взяли и сделали бы то же самое. А вдобавок нанесли бы нам еще один пропагандистский удар — приостановили бы, скажем, разработку одной из новых стратегических ракет. А мы ответили бы такой же «пропагандой». И так далее, и тому подобное. Кому, спрашивается, повредило бы соревнование в такой «пропаганде»!»

Действительно, кому! Кому вообще выгодна гонка ядерных вооружений, нагнетание подозрительности и недоверия между народами, эскалация страха!

Молодежь во всем мире, в том числе и в нашей стране, все пытливее ставит эти вопросы, все настойчивее ищет ответа на них. И делает она это, разумеется, не из праздного любопытства, а потому, что понимает — речь идет о ее будущем, ее жизни, врагами которой выступают реакционные силы, наживающиеся на войнах и гонке вооружений, стремящиеся повернуть вспять ход истории, чтобы сохранить свою власть и привилегии, диктовать свою волю народам.

Вот почему участники состоявшегося в 1985 году XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов с таким пониманием восприняли призыв к личной ответственности каждого за судьбы мира, прозвучавший в обращенной к ним речи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на торжественном открытии форума юности: «...каждый должен спросить себя: что сделал он для того, чтобы ядерное оружие никогда не было больше пущено в ход — ни на Земле, ни в космосе, чтобы оно вообще было устранено полностью и навсегда. Спросить и сделать то, что он может для нашего общего дома — планеты Земля».

Поиск путей, ведущих к устранению угрозы ядерного уничтожения, смягчению напряженности в отношениях между народами, налаживанию сотрудничества в решении многих глобальных проблем, требующих совместных усилий всего человечества, таких, как мирное сотрудничество в космосе, хозяйственное использование Мирового океана и охрана окружающей среды, проблемы обеспечения новыми видами энергии,— благородная цель внешнеполитического курса нашей партии, пользующаяся всенародным пониманием и поддержкой.

КПСС ведет его настойчиво и неустанно в интересах советских людей, в интересах всех народов, ведет для того, чтобы люди во всем мире могли заниматься настоящими и достойными делами — строительством и совершенствованием жизни в своих странах, помощью нуждающимся в ней.

Все ныне живущие поколения советских людей, в том числе и те, что прошли испытания второй мировой войны, и те, что родились сами и родили своих детей в условиях мира, полны решимости заниматься именно такими делами — ускорять социально-экономическое развитие страны, поднимать благосостояние народа, развивать науку и культуру, совершенствовать действие экономического механизма социализма, обогащать глубоким содержанием и смыслом общественную и личную жизнь.

«Международная политика КПСС,— говорится в новой редакции Программы партии,— вытекает из гуманной природы социалистического общества, свободного от эксплуатации и угнетения, не имеющего классов и социальных групп, заинтересованных в развязывании войн. Она неразрывно связана с коренными, стратегическими задачами партии внутри страны и выражает единое стремление советского народа — заниматься созидательным трудом, жить в мире со всеми народами».

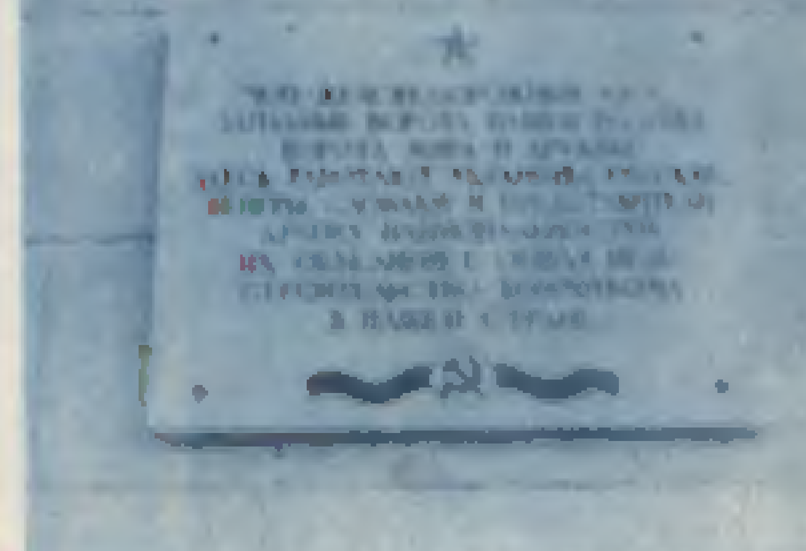
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

М. ШИШКИН,
Л. ОГАРЕВ (фото),
наши спецкоры

Всемерно совершенствовать и обогащать хозяйственное взаимодействие с братскими социалистическими странами на основе последовательной реализации решений Экономического совещания стран — членов СЭВ на высшем уровне.

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года (проект).

Сотрудничество. Социалистическая интеграция. Наверно, лучше всего можно ощутить, что реально стоит за этими словами, здесь, на пограничном перегоне у станции Чоп, где сходятся границы трех социалистических стран — Венгрии, Чехословакии и Советского Союза.

Выходных здесь не бывает. Днем и ночью идут через Тиссу составы — криворожская руда, венгерские яблоки, волжские «Лады», чехословацкие трамваи.

Граница дружбы.

В прошлом году железнодорожники Чопа отметили двадцатипятие подписания первого договора о социалистическом интернациональном соревновании с коллегами венгерской станции Захонь. С каждым годом ширились ряды участников соревнования, в него включились коллективы железнодорожников из Чехословакии и Польши.

Границы разделяют. Всегда разделяли.

Граница — грань, которая делит людей на своих и чужих. Граница — место, где начинаются войны. Так было во все времена. Но это совсем другая граница.

Граница — это люди. И быть ей рубежом мира и сотрудничества или недоверия и вражды — зависит от них.

Такой границы в истории человечества еще не было. Это граница, которая соединяет. Граница дружбы и взаимопомощи. По обе ее стороны живут друзья. Когда в Чопе монтировалась первая в нашей стране механизированная горка для роспуска вагонов западноевропейской колеи, большую помощь советским специалистам оказали коллеги из Венгрии. И наоборот, при реконструкции станций Захонь и Эперьешки своим опытом бескорыстно делились с друзьями из Венгрии советские железнодорожники. Они помогли в монтаже электрической централизации, которая облегчает работу и намного повышает производительность труда, оборудовали горку для широкой колеи советской техникой.

Еще одним проявлением братской дружбы является совместное проведение на пограничных станциях коммунистических субботников. Венгерские и чехословацкие железнодорожники трудятся вместе с советскими на ремонте локомотивов и вагонов, благоустройстве территории. Заработанные деньги перечисляются в Фонд мира.

Граница дружбы.

Живут на границе люди. Работают на железной дороге. Ходят каждый день на работу, устают. Каждый делает свое дело, машинист ведет поезда, связист обеспечивает дистанцию связью, техагенты принимают документацию на грузы.

А все вместе они делают общее дело — Мир.

Тяжелый альбом в красном бархатном переплете. Тиснением — рабочий и колхозница и буквы ВСХВ. Купленный на память о Москве. Той Москвы трамваев и сельскохозяйственной выставки, когда им казалось, что можно быть молодыми всегда.

Строгий порядок первых страниц. Чинные позы, прочный картон с вензелями губернского фотографа.

От пожелтевших карточек — запах гербария.

Старый альбом дышит. Поднимешь страницу—вдох, опустишь — выдох.

С каждой страницей бумага фотокарточек становится все тоньше. Желтый цвет времени бледнее. Фотографии теснятся, выскакивают из уголков, налезают друг на друга, лежат между страницами пачками, глянцевые, упругие.

Время спрессовано, сжато

крепким переплетом. От рождения до смерти всего несколько альбомных вздохов.

Гербарий времени.

На первой странице замер перед объективом Яков Луговой, круговщик Вознесенского депо императорской железной дороги, замер на несколько секунд, а получилось, что навсегда, среди буйной тропической флоры и диковинных птиц на разрисованном заднике. Борода густая, плотная, будто из домашней пряжи, на каждом колене по кулаку. Кулаки огромные, закопченные, как два чугунка. Глаза широко открыты, вглядываются в будущее: что там?

А будущее совсем рядом, в наступающем тысяча девятьсот семнадцатом.

Круговщик Вознесенского депо возьмет в руки оружие и пойдет сражаться за революцию и Интернационал.

В будущем, таком близком и неотвратимом, голод и тиф, кровь и победы, поступь пятилеток, а сейчас он сидит и смотрит в объектив, как в судьбу, большими, спокойными глазами.

У страниц альбома вес десятилетий.

Под знаменами и лозунгами. В папахах, кепках и шляпах. В кожаных тужурках и поношенных пальто. Все такие серьезные. Строители нового мира. Улыбаться перед фотоаппаратом стали много позже. Яков Луговой, борода еще гуще, но седая, держит своими чугунками древко знамени. Неровными буквами вышито: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Перед передним рядом, по тогдашней фотографической моде, прилегли двое вразлет, подперев голову рукой, оба в фуражках со звездочками, на одном валенки, на другом обмотки.

Больше фотографий Якова Лугового не сохранилось.

На темной, будто снятой через черную вуаль, карточке три его сына — Николай, Дмитрий, Григорий, коротко, почти наголо стриженные мальчики, держатся друг за друга, таращат глаза, наверно, снимались первый раз в жизни.

Старший, Николай, в перешитой отцовской косоворотке, из широкого воротника тонкая мальчишечья шея растет стебельком, погибнет на фронте. Он мечтает о море, о штормах, линкорах, кругосветных плаваниях, а станет речником, нужно будет помогать матери после смерти отца поставить на ноги младших братьев и сестер. 22 июня 1941 года из рабочих днепропетровского речного порта сформируют особые отряды, дадут обмундирование и двадцать третьего отправят в Симферополь. Больше родные о нем ничего не узнают.

Только через много лет младшему, Григорию, который сейчас смотрит в фотоаппарат, открыв рот, вместо передних зубов дырка, колени черные от ссадин, попадется, совершенно случайно, листок, вырванный из какой-то книги, который он, уже заслуженный машинист на пенсии, бережно сохранит и положит в этот самый альбом, но до этого еще много страниц и лет.

Средний, Дмитрий, задумчивый мальчик в тюбетейке, в руках книжка, какая — отсюда, из будущего, не разберешь, так потемнела карточка — возможно, стал бы выдающимся инженером или поэтом, он сам не знал, кем хочет осуществиться, но чувствовал в себе силы стать всем. Выбор жизненного пути за него сделала война.

Когда гитлеровские танки будут уже за Днепром, он, теперь в семье за старшего, достанет лошадь, на телегу погрузит нажитое, а ничего особенного и не нажили, и они станут беженцами, но далеко уйти не получится. Он придет в первый же военкомат, а там небритые, несколько суток не спавшие люди, уже будут жечь бумаги, и его возьмут в армию, несовершеннолетнего.

Он не погибнет. Он пройдет всю войну, будет освобождать Украину, потом Венгрию, а закончит вторую мировую в Вене. Он не станет ни поэтом, ни инженером, потому что его пошлют преподавать в суворовское учи-

лица, и он будет воспитывать мальчишек, которые видели столько крови и смерти, что сначала ему будет страшно смотреть в их детские глаза взрослых. Но тогда война уже закончится.

А сейчас еще все впереди.

Пока они бегают за красноармейскими оркестрами, смотрят с деревьев «Чапаева» поверх стен летнего кинематографа и обстреливают белых незрелыми яблоками, играют только в войну, в летчиков и танкистов — играют в свою будущую жизнь, только погибают пока понарошку, прикладывают к ободранному локтю подорожник и бегут дальше, наперегонки со временем. Мечтают о полетах в стратосферу, мечтают стать Чкаловым, Стахановым, мечтают разоблачить шпиона, мечтают сражаться с фашизмом в Испании.

Мечтают о будущем и торопят его, ровесники первых пятилеток, счастливые и голодные.

Предвоенные фотографии. Предвоенные лица.

Оккупация их застала в селе Папасное. Теперь за старшего в семье был Григорий. Ему было тринадцать.

«Новый порядок» осуществлялся просто. Жителей разбили на бригады и погнали на работу в поле. Гитлеровцы приезжали только забирать хлеб и скот. Все это услужливо собирали для них староста и бригадиры — «самостийники». Они говорили громкие слова о независимой Украине и низко сгибались перед представителем «нового порядка» майором Бауэром, то и дело норовя поцеловать его в плечо.

Майор Бауэр всюду ходил с фотоаппаратом, щелкая все подряд. Наверно, он воспринимал войну как увлекательную турпоездку.

Когда в центре села вешали двух партизан, он суетливо бегал вокруг помоста в поисках лучшего ракурса.

Возможно, этой фотографии уже давно нет. Просто не существует в природе. Сгорела, разорвана на кусочки, погребена в земле вместе с хозяином, просто потеряна.

Она есть, живет в памяти, как ожог. И эта страница альбома останется пустой.

Освобождение пришло в сорок четвертом. Луговые вернулись в Вознесенск. В пятнадцать лет Григорий пошел работать в депо, где когда-то работал его отец.

Снимок совсем крошечный, на какой-то документ, с уголком.

Наверно, сам себе он казался совсем большим, ведь работал по двенадцать часов, получал взрослую продуктовую карточку, на нем лежала забота о больной матери и двух сестрах. А уши торчат в стороны совсем по-детски.

Он ходил на работу босиком. Так и снимался, сверху чей-то пиджак, а внизу — все равно на фотокарточке не будет видно — босые ноги. Кожа на подошвах, наверно, крепкая, как из глины.

Когда выдали ботинки, надевал их только по праздникам.

Страницы альбома переворачиваешь, как годы.

Фотографий все больше. Послевоенные лица.

Учеба, армия. Юноши в военной полевой форме — галифе, пилотки залихватски надвинуты на самую бровь — хохочут, первые мирные солдаты.

Начинают мелькать снимки одной и той же девушки, толстая коса уложена на голове кружком, накладные плечи под платьицем торчат богатырским прямым углом.

«Грише от Кати».

От их свадьбы не осталось никаких фотографий. Их просто не было. И ничего тогда не было, ни свидетелей, ни испытательного срока, просто пришли вдвоем и сказали, что хотят быть мужем и женой. В маленькой нетопленой комнатке простуженный старичок в валенках соединил их судьбы, подышав на печать.

Пошли к ней домой по декабрьской метели. Зашла соседка, работница с Катиной фабрики, так и сидели втроем. «Пусть у вас будет настоящее чувство и на всю жизнь,— сказала тогда соседка,— лишь бы только войны не было»,— и заплакала. Ее муж погиб в сорок первом, только в июне поженились. Такая вот была у них свадьба.

А так и получилось — настоящее и на всю жизнь.

Работа привела машиниста Григория Лугового на самую

границу. Тогда, после войны, Чоп — маленькая, полуразрушенная бомбежками станция. Сами строили вокзал, прокладывали улицы, возводили дома.

Почти заново приходилось прокладывать железнодорожные пути через Карпаты. Туннели на перевалах были завалены. Фашисты, уходя, уничтожали все.

Маленькая безвестная станция превращалась в главный железнодорожный порт страны.

Григорий Луговой водил составы в Венгрию, в Захонь, и в Чехословакию, в Чиерну-над-Тиссой.

Он подружился с дежурным по станции Чиерна-над-Тиссой Мирославом Черником. С этим веселым, общительным человеком нельзя было не подружиться. В войну Мирослав был солдатом армии Людвика Свободы, сражался с фашистами на Украине, в Карпатах, был тяжело ранен, чудом выжил. И сохранил, несмотря на кровь и смерти, свою удивительную улыбку.

На аккуратной фотографии с резными краями семья Мирослава. На обратной стороне надпись нетвердыми русскими буквами: «Дорогому Григорию в день годовщины нашей общей победы. Мы вместе сражались, теперь вместе строим. Семья Черник».

Жизнь набирала обороты, мчалась вперед на зеленый. Вселение в новую квартиру. Поездка в Москву, Москву трамваев и Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Почетные грамоты. Парадные фотографии на Доску почета. Вручение знака «Отличный паровозник».

Вот он, стоит у своего паровоза, держит его за поручень, как ребенка за руку, а колеса — в человеческий рост. Из окна выглядывает хмурый человек, старший машинист Мягких — блюститель паровозной чистоты. Как у боцмана на корабле, все всегда надраено, вылизано, колесные оси терли наждачной бумагой. В депо над ними шутили — к Мягких и Луговому на паровоз можно идти в белом кителе.

Григорий Луговой вез делегатов того первого московского фестиваля. Пройдет время, и делегатов XII Всемирного повезет в Москву его старший сын Александр, который лежит пока в пеленках и кричит, один только рот и видно. Огромные руки отца держат его еще неумело, чересчур осторожно, а в глазах испуг: что это он так надрывается? Уж не заболел ли? А может, кричит просто так, мол, вчера меня еще не было, а сегодня я, Александр Луговой, уже есть, вот и кричу.

Время все быстрей.

Детсадовский Новый год. Хоровод вокруг елки. Девочки-снежинки.

Еще один карапуз в пеленках, торчат из подушек ножки — вступил в жизнь Геннадий Григорьевич, с интересом озирается — как тут у вас?

Школьные фотографии. Десять лет — как десять страниц.

Что попадает в семейный альбом? Чаще праздники. Иногда семейные будни. Никогда — будни рабочие.

Машинист Григорий Луговой сменил паровоз на тепловоз, тепловоз на электровоз, полжизни в пути — чечетка колес на стыках, ленточка полотна скользит к горизонту, чиркнет спичкой по стеклу путевой рабочий в оранжевой куртке. Постоянный писк прибора бдительности — только успевай нажимать на ручку, не нажал — экстренное торможение. «Вижу зеленый!» И обязательное эхо: «Зеленый!» Ночью, в тумане, луч прожектора бьет в густую пелену, как в задубевшую на морозе простыню, а ты ведешь скорый, и за твоей спиной спят, доверив тебе свою жизнь, сотни людей.

И скорый мчит в ночи. «Вижу зеленый!» — «Зеленый!»

Идут поезда через Тиссу. Открытые ворота страны.

Трудовые будни, ночные смены, крепкие рукопожатия: «Ахой! Привет! Сервус!» — и снова в путь.

Будни на границе дружбы.

А на фотографиях праздники. Вручение победителям интернационального социалистического соревнования переходящего Красного Знамени. На полотнище надпись на двух языках — венгерском и русском. Вот они стоят, товарищи Лугового, машинисты Чопского депо Гнат-Юлиан Матвеевич Ямнич, Владимир Григорьевич Глущук, а на груди значки — «Лучший работник железнодорожного транспорта ВНР». И это не почетный сувенир. Просто работают они — венгры, украинцы, русские — все вместе, и трудности общие и праздники. И заслуженные награды за общий труд.

А это традиционный конкурс профессионального мастерства машинистов. В Чоп приехали молодежные бригады из Венгрии, Чехословакии, Польши. Состязания на лучшее знание советского тепловоза М-62, который эксплуатируется на железных дорогах социалистических стран. Потом практические задания — нужно развить на километровом участке на разных отрезках определенную скорость и остановиться в указанной точке. Высчитывали сантиметры — конкурс дружеский, а за победу сражались по-настоящему, с азартом, ведь каждому хотелось быть первым. Показать лучшее, что ты умеешь, поделиться своим опытом с соперником, перенять лучшее у него — что таить друг от друга профессиональные секреты, если делают общее дело — это и есть социалистическое интернациональное соревнование.

на стр. 19 ▶

«НАШ ЭКСПЕРИМЕНТ УДАЛСЯ»

Джозеф МОРРЕЙ,
американский писатель

Книга, фрагменты из которой публикуются ниже, во многом необычна. И хотя речь в ней идет о делах давно минувших дней, появление ее в США чрезвычайно актуально особенно сейчас, после встречи на высшем уровне в ноябре прошлого года в Женеве.

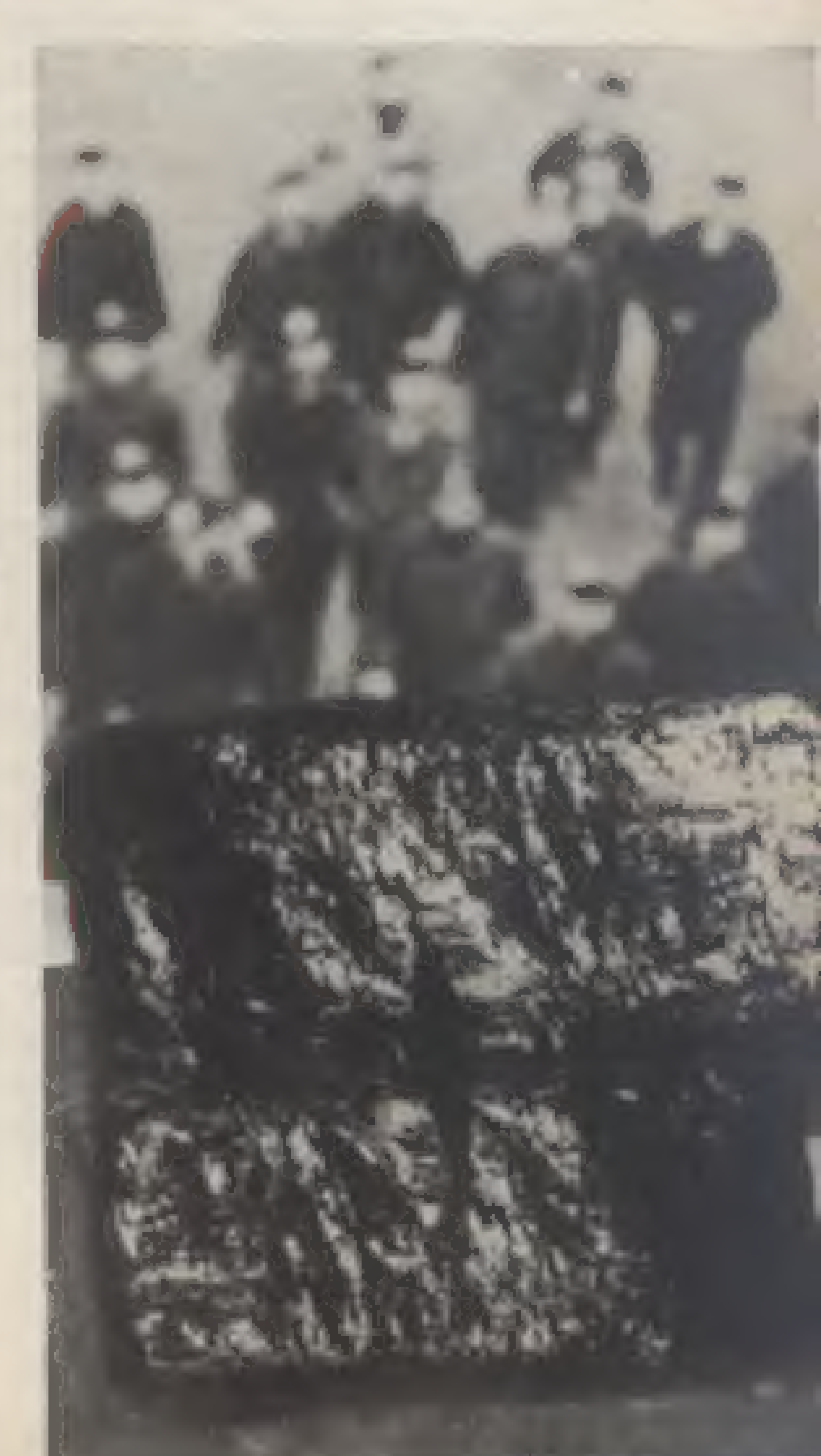
Замалчивание исторической правды на протяжении многих десятилетий широко практикуется средствами массовой информации США. Умолчанию подверглись и эти важные страницы советско-американской истории, когда в суровые для молодой Советской Республики 20-е годы около пятисот добровольцев из США, Бельгии и других стран, организовав Автономную индустриальную колонию «Кузбасс» (АИК), помогали на протяжении пяти лет восстанавливать угольную промышленность Кузнецкого бассейна. То был первый опыт советско-американского сотрудничества. О нем и рассказывает книга американца Джозефа Моррея, написанная в 1983 году в надежде, что она внесет вклад в усилия прогрессивных людей Америки, стремящихся к установлению отношений мира и сотрудничества между СССР и США.

Издательство агентства печати «Новости», а также советские партийные органы Кемеровской и Днепропетровской областей сделали все возможное, чтобы писатель смог собрать необходимые материалы, встретиться с живыми свидетелями тех далеких событий. Одним из «открытий» стала для писателя встреча с Анной Прейкшас, которая приехала из США в Кемерово в 1922 году, работала в АИК, в Сибири вышла замуж, приняла советское гражданство, родила детей, преподавала английский язык в вузах Советского Союза. И всю жизнь собирала материалы о деятельности АИК «Кузбасс». Замечательная это была встреча, как и десятки других, которые помогли писателю Джозефу Моррею лучше почувствовать атмосферу далеких 20-х годов, современную советскую действительность.

Несколько слов об истории возникновения колонии «Кузбасс». В «Письме к американским рабочим» (1918 г.) Владимир Ильич Ленин призвал международный рабочий класс помочь молодой Республике Советов. Случилось так, что три активиста

...открывшиеся перспективы строительства новой жизни вызвали могучий прилив сил и революционной энергии трудящихся масс. Они преодолели лишения и трудности, порожденные хозяйственной разрухой, контрреволюционными заговорами и саботажем буржуазии, технико-экономической и культурной отсталостью страны.

Из проекта новой редакции
Программы Коммунистической
партии Советского Союза

международного рабочего движения: два американца, члены организации «Индустриальные рабочие мира» Герберт С. Кальверт и Уильям Хейвуд, а также один из деятелей Коминтерна, голландский коммунист — инженер Себальд Рутгерс, встретившись в Москве в 1921 году, откликнулись на этот призыв. Понимая, по словам Рутгерса, что «переход от царизма к социализму требует крепкой индустриальной базы», они внесли предложение собрать отряд добровольцев из опытных американских рабочих, готовых упаковать свои инструменты и отправиться в Россию, чтобы включиться в строительство новой жизни.

Соглашение между Советом Труда и Обороны (СТО) РСФСР и организационной группой американских рабочих (инициативной группой Рутгерса) было подписано 25 октября 1921 года. Группе передавался в эксплуатацию ряд предприятий Кузнецкого каменноугольного бассейна. Советское правительство ассигновало, и это в столь трудное для страны время, 300 тысяч долларов для покупки машин и оборудования за границей. В Кемерово приехали американцы и рабочие из других стран.

Непосредственное участие в строительстве социализма привело многих из них в ряды Коммунистической партии США. Некоторые настолько привязались к необычной и новой стране, что остались в Советском Союзе. Себальд Рутгерс жил в СССР до 1938 года, занимался хозяйственной, партийной и научной работой, глубоким стариком он вернулся на родину в Голландию. Уильям Хейвуд умер в Советском Союзе в мае 1928 года. Его захоронили в Кремлевской стене рядом с Джоном Ридом. Часть праха согласно воле покойного была доставлена в Чикаго на Уолдгеймское кладбище, где находится братская могила рабочих — жертв репрессий.

В приложении к книге приводится текст исторического соглашения об основании Автономной индустриальной колонии «Кузбасс», в которое В. И. Ленин с присущей ему прозорливостью попросил американцев включить требование, «чтобы ехали в Россию только люди, способные и готовые сознательно вынести ряд тяжелых лишений, неизбежно связанных с восстановлением промышленности в стране, весьма отсталой и неслыханно разоренной». Эти пятьсот человек знали, на что идут, и они с честью прошли через все выпавшие на их долю испытания; не

Снимки слева «Ровеснику» предоставил Кемеровский краеведческий музей — так выглядел город в 20-е годы, когда сюда приехали американские рабочие. *На нижнем снимке* — символический экспонат: кузбасский уголь. *Справа* — снимки, сделанные нашим фотокорреспондентом С. СТАРШИНОВЫМ в сегодняшнем Кемерове: производственное объединение «Азот»; в аудитории Кемеровского университета; набережная реки Томь.

выдержали, вернулись назад лишь единицы.

Спустя несколько лет Рутгерс, подводя итоги работы АИК, писал: «И все-таки наш эксперимент удался. Недешево нам это стоило. Наш маленький Интернационал в Сибири создал большое индустриальное предприятие. И все это остается и будет расти. Мы показали, что может сделать солидарность рабочих».

Автор книги «Проект «Кузбасс» Джозеф Моррей, профессор истории и социологии, главный редактор журнала «Теория социализма: течение американской мысли», член Компартии США, подчеркивая огромную важность исторического эксперимента, каким стала деятельность АИК «Кузбасс», приходит к выводу, что сегодня особенно необходимо напомнить народам наших стран еще и еще раз о том, что простые люди на нашей планете всегда могут и должны находить пути к сердцам друг друга, и ни океаны, ни расстояния, ни ухищрения недоброжелателей не смогут остановить их на этом пути.

Наталия ДЕРЕВЯНКО,
старший научный редактор
издательства АПН

Сегодня, когда все еще сильна изоляция американцев от дружеских контактов с советскими людьми, мне думается, было бы очень полезно вспомнить первый опыт советско-американского сотрудничества.

В один из ноябрьских дней в темноте раннего утра я сошел с самолета «Аэрофлота» в аэропорту Кемерова. Мне хотелось узнать, помнят ли об американской Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» советские люди. Радушный прием был одним из ответов. О тех днях хранят память постоянная экспозиция Кемеровского исторического музея, мемориальные доски на стенах домов, названия улиц и памятник Себальду Рутгерсу — основателю и директору АИК, о тех днях рассказывают на школьных уроках, этой теме посвящены научные исследования, лекции и публикации Кемеровского университета. С кем бы я ни разговаривал, каждый в той или иной мере был знаком с историей американцев в Кузбассе, а, узнав, что я пишу об этом книгу, с энтузиазмом говорил о ее важности.

В первый же день меня принял мэр Кемерова, в прошлом шахтер, выпускник Томского технологического института. Когда я сказал, что меня интересует, как изменилась угольная промышленность со времен 20-х годов, этот занятый человек вызвался лично меня сопровождать. Мы посетили новые шахты, Дворец культуры и центр медицинского обслуживания. Впечатление огромное!

Дни, проведенные в Кемерове, дали мне богатейший документальный материал. Поразительно, с какой заботой ко мне относились работники библиотек и музеев: они не только подготовили для меня всю необходимую информацию, но и охотно делали любые копии с документов, статей, книг и фотографий. Опытные научные сотрудники, знакомые с тем, что написано в СССР об американской колонии, собрали для меня целые полки всевозможных материалов, более того, для удобства моей работы составили их каталог! В этом я вижу огромную заинтересованность советских людей в том, чтобы история американцев в Сибири была рассказана в США.

УИЛЬЯМ ХЕЙВУД [1] — один из создателей организации «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ) — руководил забастовками текстильщиков в Массачусетсе, ткачей в Патерсоне, рабочих резиновой промышленности в Акроне, сельскохозяйственных рабочих в Калифорнии, лесорубов в Нортуесте, шахтеров в Миннесоте. Популярность Хейвуда как рабочего вожака была огромной, а власти США готовили над ним очередную расправу.

С вступлением США в первую мировую войну федеральное правительство приняло ряд чрезвычайных законов против «преступного профсоюзного движения». Членство в ИРМ объявлялось нарушением закона, Хейвуд был арестован и приговорен к двадцати годам заключения. В 1921 году, пока рассматривалась его апелляция, под большой залог Хейвуд был выпущен из тюрьмы. Ему исполнилось пятьдесят два года. Из достоверных источников стало известно, что приговор останется в силе. И тогда друзья посоветовали Хейвуду эмигрировать в Советскую Республику, где он сможет и дальше приносить пользу рабочему движению.

Весной 1921 года Хейвуд покинул Нью-Йорк и в мае уже был в Москве.

СЕБАЛЬД РУТГЕРС. Карьера инженера Рутгерса начиналась в Роттердаме. Железобетонные конструкции тогда только еще входили в практику, но Рутгерс сразу понял, что это переворот в строительной технике. Он создал проект железобетонного моста, который, несмотря на скептицизм консервативно настроенных специалистов, был построен и успешно прошел испытания. В 1908 году его избрали в руководство Нидерландского королевского инженерного института. Он выступал на международных конгрессах, писал статьи для научных журналов, его пригласили принять участие в проекте реконструкции бухты Вальпараисо в Чили.

Рутгерс мог бы и дальше отдаваться любимой работе, тем более что она высоко ценилась и хорошо оплачивалась голландской буржуазией.

Но он выбрал другой путь. В Октябрьской революции 1917 года Рутгерс увидел событие величайшего исторического значения и решил ехать в Россию.

23 сентября 1918 года Рутгерсы прибыли в Москву.

ГЕРБЕРТ КАЛЬВЕРТ жил в американской колонии в Мехико, когда он прочел «Письмо к американским рабочим» В. И. Ленина, написанное 20 августа 1918 года. Он сразу решил, что должен ехать в Россию помочь строительству экономики государства рабочих и крестьян. Он вернулся в США, вступил в самую преследуемую в то время профсоюзную организацию ИРМ, стал работать на заводе Форда в Детройте и по вечерам изучал металлургию и машиностроение. Накопив немного денег на дорогу, в феврале 1921 года он отплыл в Латвию, путешествуя по паспорту, одолженному у знакомого русского эмигранта. Из Риги в Москву Кальверт добирался в холодном товарном вагоне, в котором не было даже клочка соломы. Продрогший и счастливый, в марте 1921 года он приехал в Москву.

ПРОЕКТ. В Москве Кальверта поселили в гостинице «Люкс» [2] вместе с делегатами Международного конгресса революционных профсоюзов. До конгресса оставалось еще время, и Кальверт решил обойти московские заводы и фабрики. Стоптав, как вспоминал потом, пару башмаков, Кальверт все больше укреплялся в своей идее — рабочие всех стран могут помочь новой России в решении огромных экономических задач. От этого, он понимал, зависело будущее революции.

Представитель советского руководства, отвечавший за связи с делегатами, нашел идею Кальверта достаточно интересной, чтобы о ней узнал Ленин. Он попросил изложить суть дела на бумаге. В апреле Кальверт закончил рукопись «Экономическая реконструкция». Через несколько дней рукопись вернулась от Ленина. Ленин идею одобрял и хотел знать, как конкретно она может быть воплощена в жизнь.

В мае 1921 года в Москву приехал Хейвуд и поселился в той же гостинице, что и Кальверт. Узнав о его идее, Хейвуд тотчас сказал: «Эта работа по мне!» В июне к разработке проекта подключился Рутгерс, тоже поселившийся в «Люксе».

Рутгерс и Кальверт постепенно сосредоточили внимание на Сибири. Кальверт переговорил с сибирскими шахтерами, делегатами конгресса. Разговор оказался настолько полезным, что они встретились и обсудили вопрос сразу со всей сибирской делегацией. Наконец был выбран район для будущей индустриальной колонии американцев — Кузнецкий угольный бассейн, Кемерово.

Из книги Джозефа Моррея «Проект «Кузбасс».

[1] *В СССР о жизни этого замечательного человека издана книга «Уильям Хейвуд». Лапицкий М. И. М., 1974.— Здесь и далее прим. пер.*

[2] *Ныне гостиница «Центральная».*

ИНСПЕКЦИОННАЯ ПОЕЗДКА. 28 июня 1921 года к экспрессу Москва — Ново-Николаевск (Новосибирск) был прицеплен дополнительный вагон, в который вошли Рутгерс, Кальверт, их помощники и переводчик Чарлз Маскалюнес. Они направлялись в Кемерово — на месте ознакомиться с обстановкой. Для охраны вагона были выделены два красноармейца. на пути следования действовало много вооруженных банд.

Экспресс едва тянулся, все больше отставая от расписания. Тогда машинист и два его помощника отцепили дополнительный вагон с иностранцами, мешавший развить скорость. Неизвестно, чем бы закончилась та поездка, если бы не вмешательство Маскалюнеса. Ему удалось объяснить, куда и зачем едут иностранцы — налаживать добычу угля в Кузбассе! Отношение машиниста к дополнительному вагону тотчас переменилось: ведь в топке его паровоза жгли сырые дрова, а он так соскучился по настоящему углю.

В Юрге с Транссибирской магистрали вагон перевели на кузнецкую ветку, через некоторое время группа достигла Кемерова. Красота места поразила прибывших.

Результаты осмотра превысили все ожидания: огромные залежи угля, железнодорожный и водный пути, обилие леса, несколько действующих шахт, недостроенный заводской корпус, ряд мастерских, жилые помещения (бывшие бараки армии Колчака) и полная поддержка Сибревкома, обещавшего помочь стройматериалами — лесом и цементом, выделить пайки наравне с советскими шахтерами, а также валенки и тулупы

В знак искренней симпатии Сибревком выделил драгоценности, конфискованные у бандитов, действовавших в районе Транссибирской железной дороги. Драгоценности были отправлены в Москву в фонд средств на покупку машин для американской индустриальной колонии.

БОЛЬШЕ, ЧЕМ НЬЮ-ДЖЕРСИ. Пока Рутгерс и Кальверт путешествовали по Сибири, Хейвуд привлек к проекту несколько новых членов из участников конгресса. Том Баркер был одним из них. Родился в Англии, эмигрировал в Австралию, журналист и писатель, член ИРМ, руководил всеобщей забастовкой в Новой Зеландии, организовывал рабочее движение в Южной Америке. Ему и Кальверту было поручено ехать в США — обеспечить набор и отправку американских рабочих в Советскую Республику.

Следует отдать должное Кальверту и Баркеру, вынужденным пропагандировать проект в условиях яростной антисоветской кампании. Они использовали любую возможность для публичных выступлений: на профсоюзных собраниях, в либеральных союзах и организациях расовых меньшинств. Им удалось привлечь внимание журналистов и писателей: один из них, Чарлз Вуд, после нескольких часов беседы с Кальвертом написал восторженную статью. Ее напечатал журнал «Уорлд» вместе с фотографией Кальверта, предпослав такой аншлаг «Гигантская задача Герберта Кальверта: в прошлом рабочий на заводе Форда теперь осваивает территорию, которая больше, чем Нью-Джерси». Появились статьи и в журналах «Либерейтор» и «Нэйшн» — о Кузбассе узнала вся страна.

НЬЮ-ЙОРК — КЕМЕРОВО. 8 апреля 1922 года из Нью-Йорка в Латвию отплыл пароход «Адриатик». Среди его пассажиров были шестьдесят мужчин, восемь женщин и трехмесячный ребенок — первая группа американских колонистов, направлявшихся в Россию. Каюта была лишь у инженера Ван Хоффена, остальные разместились в трюме. Каждый рабочий и инженер вез с собой инструменты, кроме того, тридцать восемь тонн груза составляли продовольствие, машины и оборудование, закупленные американским оргкомитетом Кальверта.

От Риги группа добиралась три дня в товарных вагонах и по счастливой случайности приехала в Москву накануне первомайских торжеств. Появление американцев в рядах демонстрантов вызвало бурю восторга и аплодисментов. В воздухе гремело многотысячное: «Да здравствует солидарность рабочих!»

В тот день в Москве инженер Ван Хоффен и его секретарь обвенчались. На следующий день новобрачные и остальные американцы заняли места в вагонах третьего и четвертого класса транссибирского экспресса. Им предстояло преодолеть четыре тысячи километров через степи России, через Урал, Омск и Новониколаевск в Кемерово. Дорога заняла три недели, и счастью не было границ, когда наконец путешественники достигли места, которое должно было стать их новым домом.

КЕМЕРОВО. Первым директором индустриальной колонии (до приезда Рутгерса) стал индеец-семинол[3] Джек Бейр. Он занялся налаживанием отношений с местными рабочими и их организациями. Несмотря на языковой барьер, вскоре между колонистами и местными профсоюзами установились товарищеские связи. Например, профсоюз плотников сразу подключился и помог иностранным рабочим построить просторный дом примерно на двести человек

Хейвуд взялся за организацию хозяйства колонии. американцы должны были сами обеспечивать себя продовольствием. Вместе с фермером Джеком Харпером они обследовали местность, наметили места для постройки подсобных помещений, колодцев и ирригационных каналов. Была создана фермерская группа, сразу приступившая к делу.

Для бездействовавших тракторов, привезенных американцами, из Петрограда пришел бензин. Поле в несколько сот гектаров было вспахано с невиданной быстротой — крестьяне из ближних деревень не верили своим глазам, а Хейвуд уже планировал сбор урожая: для перевозки зерна и других нужд он заказал в США два грузовика.

ДИССОНАНСЫ. В то время как в Кузбассе шла грандиозная работа, газеты и журналы США ругали «невыносимые» условия жизни колонистов. Жалобы тех, кто не выдержал трудностей и вернулся домой, печать подхватывала и раздувала до зловещих масштабов

Реакция собирала силы для свержения большевистского правительства, и чувства естественной симпатии американцев к великой революции в России воспринимались ею с бешеной злобой. В войне за умы американцев Кузбасс становился первейшей угрозой: вопреки собственному правительству граждане США находились в Советской стране и сами налаживали дружественные международные связи!

Прокурор Нью-Йорка выдвинул уголовные обвинения в финансовых махинациях против всех членов оргкомитета АИК. Одним из обвиняемых стал Роджер Болдуин, к счастью, его репутация бескорыстного человека была хорошо известна: обвинение его в мошенничестве могло навлечь подозрение на самих обвинителей. Кроме того, было проведено частное расследование, грозившее превратить готовившийся судебный процесс в большой политический скандал. Официальные власти предпочли снять свои обвинения, но их тесная связь с кампанией на подрыв кузбасского проекта уже ни для кого не оставалась секретом.

МЕЖДУ ТЕМ В КЕМЕРОВЕ колонисты осваивались в сибирской осени и заводили знакомство с местным населением. В здании школы они провели первый вечер встречи: сначала русские с любопытством наблюдали, как поют и танцуют иностранцы, но постепенно один за другим включались в общее веселье. В заключение все с удовольствием ели черный хлеб с вареньем и пили морковный чай. Поздно вечером с песнями под яркой луной американцы переправились через Томь на шахтерскую сторону. Не только трудности и невзгоды заполняли первые месяцы в Сибири, были и приятные моменты

6 октября выпал первый снег. В тот день выяснилось, что от жестяных печек-«буржуек» мало толку. Ветер с замерзавшей реки свистел в разбитых рамах и щелях, и, чтобы не упасть духом, американцы всю ночь пели.

УГОЛЬ. В отличие от Кальверта, Рутгерса и Хейвуда горный инженер Альфред Пирсон-младший, в прошлом капитан инженерных войск США, главный инженер «Мей коул компани» в

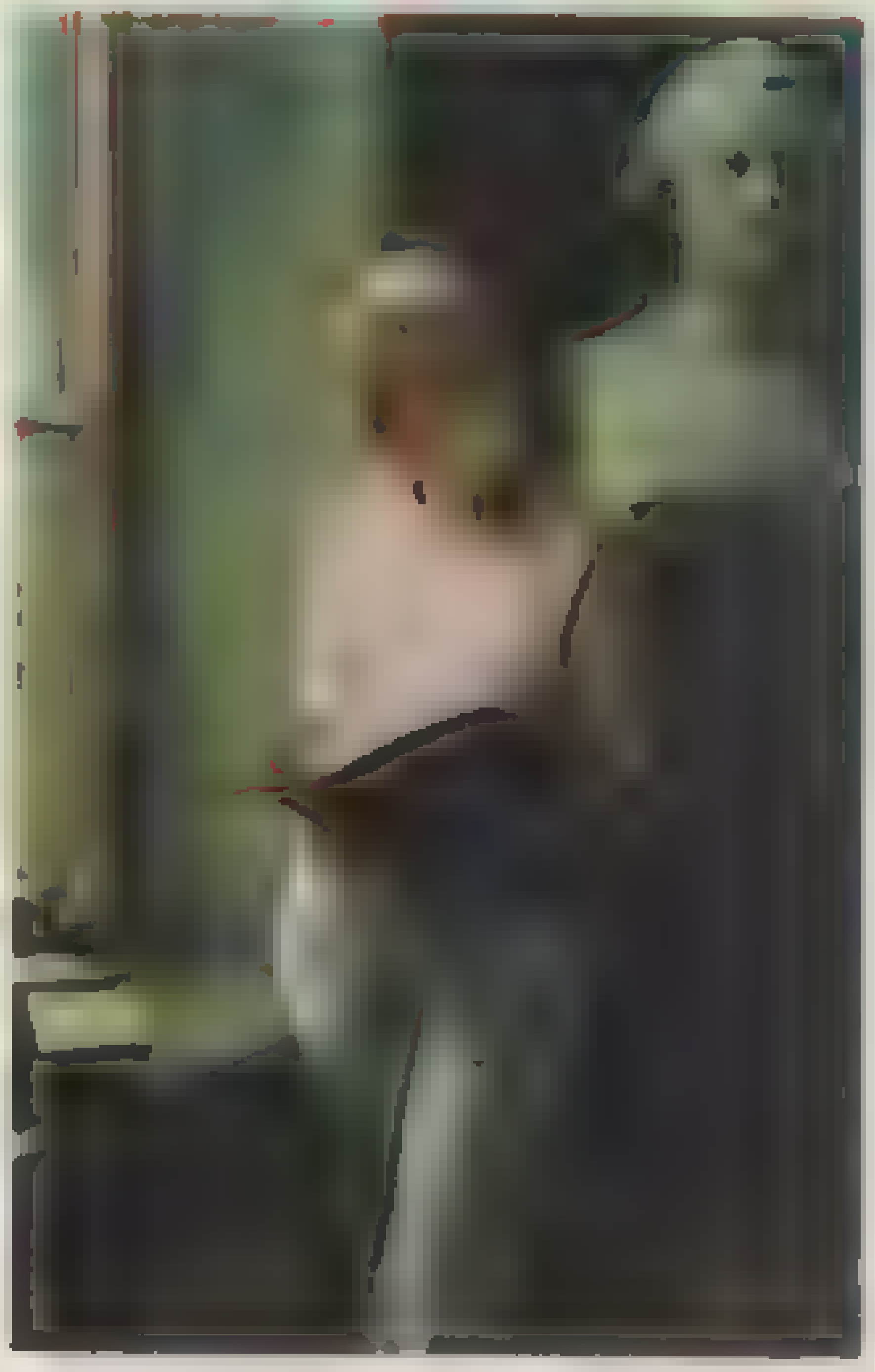
—

[3] *Племя северо-американских индейцев в штатах Оклахома и Флорида, США*

на стр. 19 ▶

Чем выше и чем ближе уровни общественного развития социалистических стран, тем богаче и глубже их сотрудничество, тем органичнее процесс их сближения.

Из проекта новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза

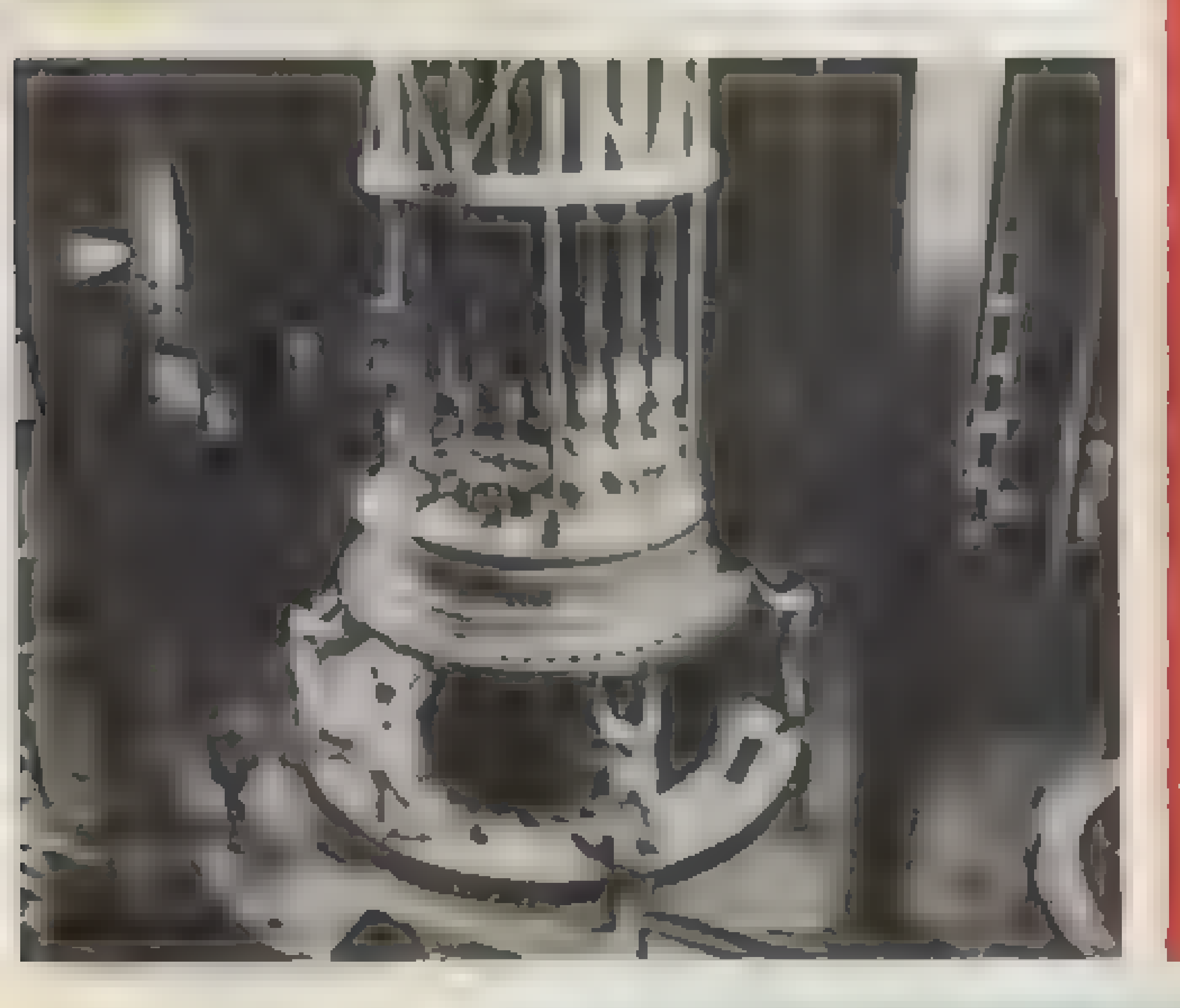

Сотворение земли

НИНА ЧУГУНОВА,
наш спец. корр.

Земля лежала внизу, неподвижная и живая. Торжественно, как гимн, она смыкалась со сферой неба. Гармония была проста.

В центре сверкающей каплей висел наш самолет.

Над облаками приходит в голову: земля едина, она не ведает границ, проложенных на ней людьми, она доверчива — раскрытая ладонь! Это чувство, конечно, знакомо всем. Чаще всего, мне кажется, оно возникает в полете, хоть в небольшом, но в отрыве от земли. Может, надо возвыситься над землей, чтобы испытать родство?

Единая земля — земля людей. Чтобы узнать ее, не надо забираться выше облаков. Тут высота другая: люди высокие. Земля таких людей действительно не знает границ: она их дом! А прочие на ней чужие.

Они, никто другой, землю творят. И сами — ее творенье.

Но эта высота для жизни нелегка.

...Мы летели над Монголией. Люди в маленьком самолете сидели вдоль бортов. Почти все спали. Они летели у себя дома, им незачем было разглядывать свою землю в иллюминатор. Только два пассажира были перелетными птицами — два американца путешествовали с кофрами профессиональных фотографов. Кофры выползали из-под сидений, и американцы запихивали их назад, улыбаясь вокруг растерянно. Их переводчик был похож на учителя. Самолет был рабочий: он вез еще и грузы из Хубсугульского аймака. От тугих мешков пахло нагретой землей и нагретым зерном. Напротив американцев сидела молодая мать с ребенком, завернутым в синюю пеленку. В ушах у нее покачивались старинные серебряные сережки с бирюзой. Мать дремала, инстинктивно прижимая к себе ребенка

Еще летел большой монгольский писатель, возвращавшийся из поездки к сыну в отдаленный сомон.

Фотографы, сказали мне перед полетом, приехали снимать «все о Монголии» Им представили обширнейшую программу. Они сказали, нет, нужны только юрты Что ж, ладно. Юрта — это символ Монголии. Правда, это отнюдь не вся Монголия.

Они наверняка увидели нечто, что их обескуражило То, что они не ожидали увидеть. Или, наоборот, они не нашли того, что, по их поня-

На снимках эпизоды многообразной жизни стран социалистического содружества. **Первый ряд** (слева направо): студенты на производственной практике, СРР; учительница из ГДР; конкурс детского рисунка, НРБ; **второй ряд** завод «Икарусов» ВНР; строители Кубы; атомная энергетика ЧССР, **третий ряд:** выходной день трудящихся социалистического Вьетнама, польские харцеры; гражданин Монголии, которому жить в третьем тысячелетии

тиям, непременно должно было быть?

Впрочем, и я возвращалась из такого же путешествия. Мой герой Дувжир сейчас кочует со своими отарами где-то там, внизу. Что могло бы их поразить в Дувжире?

Ребенок верещал, как птица, в ужасном грохоте самолета

Писатель сказал, отчетливо крича каждое слово: всю жизнь для него, пишущего, наибольшую трудность представляло завершение повествования, финал. Он понимал, что именно в конце все мелкие подробности описываемой им жизни должны запеть, сыграть, объединиться наподобие музыкального финала-триумфа, и жизнь тогда получит настоящую трактовку, сломает схему и явится такой как есть. Но ближе к завершению работы он начинал испытывать беспокойство, и руки бессильно опускались на клавиши пишущей машинки. Откуда знать мне, что должно случиться!

Писатель говорил это мне, потому что мы сидели рядом, в хвосте. Он предложил мне конфетку, чтобы не укачало. Но меня никогда не укачивает, даже в шторм на кораблях. Он засмеялся. Нельзя произносить слово «никогда», сказал он в шутку. И продолжил. Он описывал события, а что стояло за ними — знал ли он это? В финале должно быть ясно, что именно происходило под покровом событий. Но он не знал, а сочинить боялся. Он заболевал от непосильной тяжести задачи, которую взвалил на себя, повинуясь желанию быть честным в работе. Он старательно описывал, как люди говорят, как ходят по земле и занимаются делами. И понимал, что так и придется ему жить в мучениях. Или закрученный сюжет несвойствен жизни, а отчетливый финал вообще противен ей? Так он жил, борясь со словами. Ответа не нашел. Но вдруг в одном его рассказе человек, приехавший с чужбины на свою маленькую родину, подходит к реке и опускает руки в ледяную воду, чтобы вернуть себе ощущение родины, утраченное в разлуке, когда он усердно работал на благо всего человечества, лишь изредка вспоминая, где родился. И ледяная река не отпускает его. Он говорит: «Прости», но слышит, что голос его фальшив. Он пугается и говорит тогда: «Ты жестока ко мне, моя родина. Да, ты очень жестока, моя любимая родина. Разве ты не входишь в общую землю как малая часть ее? Разве, работая на благо всего человечества, я не работал на твое благо? Как я должен был тебе служить? Ведь я слал подарки». И он обещает еще оправдаться, но поздно. Написав этот рассказ, писатель понял, как мало он успел и как много упустил, трудясь беспрерывно.

Ледяная река — это притча, вернее, миф. Одушевленная земля. Но кто и сегодня сумеет опровергнуть существование одушевленной родины? Я слаб, зависим от дурного часа, кто даст мне силы? И кто остановит меня, сказав: ты пусто совершенствуешься, твои терзания мелки?

Он замолчал, погрузившись в мысли. Я спросила, зачем он ездил к сыну. Он встрепенулся. Сказал, ездил вернуть его любовь. Сын перестал его любить. А он забыл, что спрашивать нельзя. Когда теряют любовь, не называют причин. Есть такой малюсенький рассказ Хемингуэя «Что-то случилось» — о мальчике, по имени Ник. Там так ясно. Он больше любит и читает Чехова, хотя Чехов обычно не оставляет надежд. Он вдруг почувствовал: сын перестал его любить, срочно вылетел. Летал бесполезно, наверное. Чехов усмехнулся бы.

— Я словно никогда не имел маленького сына,— тоскуя, кричал он вопреки самолету,— а сразу получил взрослого, умного. Я посмел не пускать его в глушь, просил жить в моей большой квартире. Он уехал. Девушка уехала. Там он учит детей истории. Что он знает об истории, отличник обучения? Нет, что он знает о жизни, сын знаменитого отца? Я все испортил. Всех насмешил. Я глупый писатель слов, привязанный к машинке

Ребенок-птица раскачивал самолет. Писатель плакал и ел конфеты от тошноты

Мне не хотелось его утешать и лгать, говоря, что все образуется. Что за слово такое: образуется? Значит, успокоится нерешенное? Затихнет боль? Жизнь смилостивится? Все это слабая ложь. Как хорошо, что все это слабая ложь.

Мой переводчик Баатар, спал на плече у незнакомого человека. Мир был пуст, светел и висел сверкающей каплей чистейшей влаги.

Как он сказал? «Ты жестока ко мне, моя любимая родина». Не забыть бы — понять

В Москве я купила сборник рассказов писателя.

Я отыскала рассказ о реке и человеке, вернувшемся к ней издалека.

Но я не нашла этих слов, писатель! И только некоторое время спустя, а именно буквально сейчас, я поняла, что писатель нарочно не написал этой фразы, чтобы ее сказал читающий рассказ. И — сам испытал страданье.

Есть такие люди. Они говорят мне

— Вы все свои вопросы написали на бумажке? А то, знаете, получится неудобно, если вы забудете, что надо спрашивать

Иногда они способны одернуть рассказчика, бросив

— Это совсем не интересно! Это пустяки какие-то!

А человек, между прочим, рассказывал самое важное.

Но хуже, когда настоящие, нормальные герои сами себя начинают одергивать, думая, что в их настоящей жизни есть пустяки. А ведь пустяки как раз и роднят нас с героями. Не правда ли?

К герою труда Дувжиру мы ехали долго. Машина скакала, как козел. Путь указывал молодой секретарь комитета МНРП сомона, он знал маршрут перекочевок. Он был в пиджаке и в итальянских темных очках. То, что в итальянских, было видно по фирменной наклейке на стекле, которую секретарь не снял. И по этой мелочи было сразу ясно, как молод секретарь. Он сказал: «Вы что, у меня уже пятеро детей, все маленькие, пока приносят одну лишь радость. Нет, жена тоже радуется, только ей почему-то работать хочется. Иногда она плачет от счастья и говорит: «Ну а зачем же я училась!» — Жесткие черные волосы секретарь зачесывал назад и то и дело поправлял отличную прическу коротким взмахом головы. В нем было что-то от студентов 60-х годов, какими они показаны в фильмах того времени.

На пути было стадо. Секретарь резко выпрыгнул из машины и стал помогать двум молодым аратам согнать стадо в воду. Он кричал и брызгал водой, а чистые и круглые бараны дивились на него, и араты на конях смеялись, опустив длинные шесты. Зачем всем стараться, если так хорошо и быстро справился один, так смеялись они

— На экспорт гонят,— сказал Баатар,— к вашей границе. Живьем выгоднее Там ваши люди примут, погонят дальше. У нас прекрасная трава, хорошее пространство.

Земля все разворачивалась, и за горой, которую мы огибали, раскладывалась новая даль и горы получше прежних. На такой земле смешным и жалким показалось бы воспоминание о тесной квартире, о платном пятачке на сочинском пляже

Мы все ехали и ехали. Баатар пел. Земля была неутомима

Юрта Дувжира выскочила перед нами, как человек, машущий флажком. Она была белая на зеленой траве. Мы к ней ехали еще час. Дувжир сидел в юрте, куда секретарь вошел, заранее спрятав очки и одернув пиджак жестом военного в офицерском звании. Дувжир продолжил набивание трубочки как человек, привыкший к гостям, а ведь мы были внезапные гости. Дувжир улыбался, как будто знал про итальянские очки, спрятанные от него, словно он был учителем и не любил пижонства.

Дувжир родился в год, когда в Монголии произошла революция. Всю жизнь работал. Был участником партийного съезда. Он герой. Так сказали мне

Дувжир сидел в своей белой юрте. Мы спросили о его здоровье и стали ждать чай молча. Потом пили чай, хваля. Рядом с юртой ходил-похрапывал белый конь

— Так что? — сказал наконец Дувжир.

— Дувжир-гуай,— бодро сказал секретарь, хлопнув себя по коленкам,— расскажите вот товарищу из Москвы о вашей замечательной

жизни и трудовой деятельности

— Раньше плохо жил,— наставительно сказал Дувжир.— Теперь хорошо живу. Раньше был бедный. Теперь стал богатый. Вот машинка швейная, да пусть сама смотрит. Что рассказывать, ты скажи!

— Дувжир-гуай,— сказал секретарь.

— Да...— протянул Дувжир, как бы не замечая легкого упрека в тоне секретаря.— Но сам-то ты знаешь, где лучший нагул? Она не знает, ей можно в Москве, а ты? Где лучшие травы — ты мне скажи, может, и разговоримся. И мне интересно станет. Раз приехал, что тебе без дела сидеть. А человек послушает. А так что я тебе — радио?

— Дувжир-гуай,— сказал секретарь, крутя головой,— не на экзамен же я к тебе приехал. У тебя своя работа, у меня своя.

— У тебя своей нет,— вставил Дувжир.— Ты всякую работу должен знать и нас учить.

— Прошу,— сказал секретарь,— расскажите свою богатую событиями жизнь. Ну вот вы сказали: стало лучше жить, а как именно? Дети учились. Учились ведь?

— Учились,— подтвердил Дувжир.— Приезжали из сомона и забирали, меня не слушали. Надо — не надо, забирали. Твердят одно: дети должны учиться. Много учености сделалось у всех в головах, толку от учености их ней нет.

— Неправда,— сказал секретарь, и лицо его, лицо студента, изменилось от обиды.— Вы сами знаете, что без учения нельзя. Зачем вы неправду говорите?

Дувжир расхохотался и схватил секретаря в охапку.

— Я старик,— закричал он.— А ты молодой, ты поправь меня, поучи! Поучи, как вы учите на ваших совещаниях, карту мне под нос суете.

Они оба смеялись.

— В пятьдесят шестом,— сказал Дувжир, отпустив секретаря, который сразу стал пить чай,— пиши: в пятьдесят шестом была тоже суровая зима. Такая: человек едет, упал — закоченел. Но уже не было страшно. Уже человек не был один.

Так ли он буквально сказал: человек не был один,— и одного ли себя имел в виду или вообще человека, а если сказал о себе, действительно ли так возвышенно или Баатар так перевел?

И не здесь ли исток всего? Не здесь ли?..

— А когда было трудно? — спросила я.

— Ты слушай,— сказал он.— Пусть теперь она слушает, я знаю, что говорить ей.

То, что он потом рассказал, я запомнила слово в слово. Это был рассказ о первой перекочевке в одиночку, во время страшного бурана. Тогда он шел пять дней, прошел сто километров. Эту историю знают все, у кого нашлось время выслушать меня

— Ты что не записываешь? — сказал Баатар.

Я записала то, что могла забыть, названия гор: Мярсуул и Манхан-уул. На пятый день пути из трещин на его руках стала сочиться кровь. Бараны теряли силы. Он отогревал замерзших, неся их на руках и прижимая к животу, чтобы согрелись Он оставил в буране юрту, где была мать и сестра. Отец умер за два года до этой зимы. Такие зимы приходили лишь затем, чтобы людей стало меньше. Юрта матери летела за ним в буране, он ясно видел. Летела вместо луны. «Игра воображения»,— пояснил Баатар Весной он вернулся со спасенным стадом. В юрте увидел что-то новое. Подошел — то была вышивка на куске черной материи. Птицы с серебряными крыльями, с серебряными клювами. «Это Ундрах»,— сказала мать. Он подумал о сестре и возненавидел одиночество девочки, заставившее ее вышивать таких птиц. Мать потом прожила долго, все хорошее увидела.

— Запомни,— сказал Дувжир,— лишь на пятый день нашлась трава. Тогда стал кататься по снегу и стал грызть траву. Уж бараны переставали ходить совсем. Шатало их. Я валялся на снегу, смеялся и грыз. С ума сошел. Потом опомнился. Чаю согрел в палатке. Ночью волки пришли. Прогнал их.

Солнце поднялось в зенит.

— На лошади ездит? — спросил Дувжир, поднимаясь

Следом за ним выбежала смеющаяся жена Дувжира, успевшая прикрепить свой орден к халату-дэли. Переубедить Дувжира нельзя. Это ясно. Он уже вел конягу хитрейшего вида.

Секретарь подумал да и вытащил свои замечательные очки с наклейкой. Тут пришли два младших сына Дувжира в соломенных шляпах, которые он привез из Улан-Батора, в шляпах, щегольски замятых. «Ну как жизнь, ковбои?» — спросил секретарь, сверкая очками. Ковбои легли в траву смотреть, что будет.

— Ты не гони во весь опор,— сказал мне озабоченно Баатар

И вот теперь мы возвращались.

Мир переменился: мать уснула, почувствовала, что ребенок перешел в большие надежные руки. Писатель держал его умело. И вскоре уснул на руках страдающего человека бронзовый маленький бог этой земли, где когда-то люди придумывали себе в утешение великанов, бросающихся горами ради добра

А сам страдавший успокоился и взглянул на землю. Она была спокойна и тепла. И так было еще долгое время, пока мы не качнулись в сверкающем небе, и не мелькнул полосатый чулок метеослужбы, и земля не побежала нам навстречу, подставляя ладони.

Однажды Дувжир, будучи по делам в сомоне, зашел в интернат спросить, как учится малыш Тумэрбаатар. Учитель встал перед ним навытяжку незаметно для самого себя и для Дувжира тоже. Всю жизнь Дувжир боялся начальства, пока не заметил, что начальство стало молодое, скромное и понимает шутки. Но тогда он ждал почему-то, что учитель начнет его ругать, и у него не проходила слабость в руках. Однако учитель сказал странную вещь. У Тумэрбаатара обнаружился голос.

— Что значит обнаружился,— сказал Дувжир сорвавшимся голосом.— Раньше не было?

— Голос обнаружил специалист,— сказал учитель.— Но еще неизвестно, разовьется ли мальчишеский голос.

— Вот как у вас — все неизвестно, все за вас будущее решит,— сказал Дувжир, искренне огорчаясь.

Учитель решил, что заслуженный человек сейчас откажется отдать сына на учебу в город. Он предложил: пусть отец сам послушает, как поет его сын. Он привел Тумэрбаатара. Мальчик застеснялся, увидев отца в своем школьном мире. «Спой»,— велел учитель, погладив его по голове Мальчик спел. Его голос был как счастье. Тумэрбаатар пел, восторгаясь, как птица, тем, что видел его зрячий голос. Это был голос-весть. Закончив пение, он оглянулся, словно вернулся с большой высоты

— Что это было? — спросил потерянно Дувжир.

— Ария,— поспешно сказал учитель.— Итальянская ария.

Они помолчали, ожидая, чтобы мир повсюду успокоился

— Туда на учение какие вещи нужно? — спросил Дувжир.

Через несколько лет Тумэрбаатар выучился и стал петь для народа

Таков финал рассказа о Дувжире. Но какой же финал? Ведь все осталось неразрешенным и совсем не ясно, что потом? Жизнь!

Мы вышли на припорошенное песком поле. Американцы укатили на машине, припав лицами к стеклу. Молодой суровый человек в кожаном пальто умчал на мотоцикле мать с ребенком. На земле было холодно. Писатель шел по полю, крепко завернувшись в плащ.

— Жизнь непосильна,— вдруг сказал он.

У него был тихий голос и правильная речь литератора.

— Да, жизнь непосильна. И правильно. Иначе человек оставался бы один. А он не может. Пусть обстоятельства всегда будут сильнее человека. В этом достоинство схватки. Он уехал, потом прогнал меня, летевшего к нему. Он прав, ужасный сын. Мне остается верить, ждать. Пройдет четыре года, он меня простит, мы встретимся, и он меня обнимет, как было однажды. Как тяжело!

Ветер рвал его плащ. Он перевел дух.

— Всю жизнь иду навстречу,— пробормотал он, сжав мои ладони.— Прощайте. Желаю вам непосильной работы.

ХОРОШИЕ РЕБЯТА

А. ПОЛИКОВСКИЙ

> **Советский Союз на стороне государств и народов, отражающих атаки агрессивных сил империализма, отстаивающих свою свободу, независимость и национальное достоинство. Солидарность с ними — это в наше время и важная часть общей борьбы за мир и международную безопасность.**
>
> **Из проекта новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза**

Ее зовут Лорена Каско, она с севера Никарагуа, из города Матагальпы. В этом небольшом белом одноэтажном городке шла ее жизнь, там она прожила двадцать лет, до самого того дня, когда отправилась в Советский Союз. На окраине Матагальпы, в глуби улицы, за невысокой оградой, на черной сухой земле стоит дом — их дом, дом семьи Каско, большой, не очень складный, с пристройками и надстройками, с плоской крышей, с резными облупившимися столбиками перил на веранде, со скрипучими и прогибающимися под ногой досками светлого, вытоптанного пола. И, говоря о доме, Лорена сразу же естественным ходом мысли пришла к той, кто душа дома, без кого дом не мог бы быть таким, какой он есть,— доброе гнездо, в которое хочется вернуться, как в детство. Душа дома — ее мама Аркадия, женщина пятидесяти шести лет, родившая и вырастившая десять детей. Лорена младшая. Одежду, из которой старшие вырастали, тут не выбрасывали — она могла пригодиться младшим, когда они подрастут. И день Аркадии в большом доме на окраине Матагальпы всегда наполнен обычными материнскими заботами, обыденными делами по хозяйству, которые не стоит перечислять, потому что они похожи в любом доме, в любой стране: накормить, постирать, заштопать... Разве что у Аркадии этих дел раз в десять больше, чем в семье с одним ребенком. И важны тут не сами дела, а то, как она их делает, как относится к своей судьбе. Она легко снует по дому, по всем его комнатам, быстрая и ловкая, с ловкими руками, с улыбкой. Она никогда не унывает. Не падает духом. «Мама Аркадия...» — имя ее Лорена произносит с какой-то многообразной интонацией: тут и церемонное уважение, и ласковая улыбка, и любовь.

В Советский Союз Лорена Каско приехала учиться. Она училась экономическим наукам, изучала чисто практические вопросы: «Как, например, должно быть организовано народное хозяйство, чтобы не было безработицы? У нас она еще есть. » — но за всеми отдельными вопросами и частностями она видит что-то одно, бóльшее,

что ей трудно выразить в словах, и она помогает себе руками — перед собой раскрывает ладони, как два лепестка: «Учусь всему, что вижу вокруг себя. Вашей жизни...»

Его зовут Хосе Луис Солорсано, он родился и жил в столице, Манагуа,— городе веселом, полном детей и влюбленных. «В Манагуа нет такого особого места, где назначают свидания. Как у вас в Москве, у памятника Пушкину. У нас встречаются везде. Где бы ты ни был в Манагуа, везде стоят влюбленные».— Он засмеялся смущенно

Братьев и сестер у него нет, но это совсем не значит, что он вырос в одиночестве, в благопристойной воспитанной тишине. «У меня есть племянники...» — сказал он и покачал головой, состроив скорбно-умильное выражение, этим выражением как бы говоря: «Да, мои племянники — ребята буйные, но вы-то понимаете, компаньеро, в душе они незлые...» И есть еще бабка Филомена, которая воспитывала его: суровая, строгая женщина, в которой он, однако, чувствовал ту же горячую страсть к жизни, какая есть в нем самом и в его беспокойных племянниках. Бабка Филомена давала ему подзатыльники, но с таким видом, будто гордится им

На улицах Манагуа много детей. Мальчишки Манагуа носятся по улицам сломя голову, а в годы его детства шла война, народ воевал с Сомосой, и это было интересно донельзя (мальчишка в опасности видел приключения...). Солдаты, автоматы танки, взрывы, мешки с песком, закрывавшие людей от пуль, пение и посвистывание пуль, рев самолета, пикировавшего на улицу прямо над головой, и валявшиеся на асфальте длинные, похожие на высокий стакан гильзы, из нутра которых тянет пороховой гарью,— и сто тысяч подзатыльников от бабки Филомены: «Куда ты лезешь, дурья твоя башка! Что ты забыл под танком? Хочешь, чтобы руки-ноги тебе поотрывало?»

Она была такая горячая, что ей, казалось, впору бежать на улицу и играть с ними в волейбол на пыльном пустыре и орать громче всех «Не было! За чертой! Не было! Я говорю!» Но она удерживала себя дома, в кругу домашних забот — все-таки взрослый человек, и уже довольно давно. Впрочем, в Манагуа и у взрослого есть где поорать и поспорить «В наших автобусах, например. Там люди хлопают друг друга по спине, вступают в споры и разговоры. Если, например, мы решили танцевать, но нам кажется, что нас мало,— мы просто хватаем прохожих. И танцуем с ними» И ни тогда, ни сейчас Хосе Луис не воспринимал бабку как взрослую — всегда она была близка и понятна ему, как друг, и вопрос о ее возрасте ставит его в тупик он, кажется, думал, что они с бабкой ровесники. И он начинает высчитывать. Пальцами он откладывает отрезки по ребру стола: «Моя мать родила меня, когда ей было шестнадцать, а сама родилась, когда Филомене было...» И дает ответ: «Бабке пятьдесят четыре!» Вспоминая ее нрав, начинает сомневаться: «Кажется...»

Он тоже учился в Москве. «Наша революция молода, нам не хватает знаний, опыта У вашей страны огромный опыт строительства, борьбы с нищетой, неграмотностью, болезнями — он нужен нам в нашей работе...»

Когда Лорена уезжала в Советский Союз, мама Аркадия плакала. Лорена крутит головой и машет руками, отгоняя слезы, навертывающиеся на глаза при воспоминании о маме, о доме, о Никарагуа «Мне про это трудно говорить». Но она берет себя в руки.

Слезы текли по маминому лицу обильным потоком, но сквозь слезы, как солнце сквозь дождь, светила улыбка. «Не обращай внимания на то, что я плачу,— сказала мама.— Езжай! Я плачу не от горя — от счастья». Она не хотела, чтобы Лорена уехала с болью в сердце, с мыслью о том, что оставляет маму в слезах и в тоске

«Если б я могла, я поехала бы с тобой,— сказала мама Аркадия — Не для того, чтобы ухаживать за тобой, а для того, чтобы тоже учиться!» В ней, растившей детей, хлопотавшей по дому, живет, оказывается, мечта об учение, о тихих просторных классах, о внимательных умных учителях, о книгах, в которых мудрость жизни; в ее жизни ничего такого не было Но могло теперь быть в жизни ее младшей дочери, и ради этого она готова была ждать и улыбалась сквозь слезы, чтобы там, в далекой Москве, Лорена вспоминала не слезы ее, а улыбку

«Хотя мы не будем вместе, я не боюсь за тебя, потому что вокруг тебя будут люди!» — сказала мама Аркадия, прощаясь. И теперь, говоря о жизни, которую видит вокруг себя, Лорена прибавляет одно мимолетное ощущение к другому так, что возникает образ страны: «Я не знаю языка. Мне трудно общаться. Но я чувствую! — Она всплеснула руками, как бы выбрасывая голубя вверх.— Я чувствую доброту ваших людей, их открытость...»

«Я живу в общежитии. Если я не улыбаюсь, вахтер обязательно улыбнется мне и что-то скажет. Я чувствую — добров. Я иду в магазин, не понимаю чего-то. Люди берут меня за руку, ведут, показывают, спрашивают, откуда я. «Из Никарагуа?» — «Да». Тогда они улыбаются мне, говорят что-то. Я не понимаю что, но чувствую — тоже что-то доброе .»

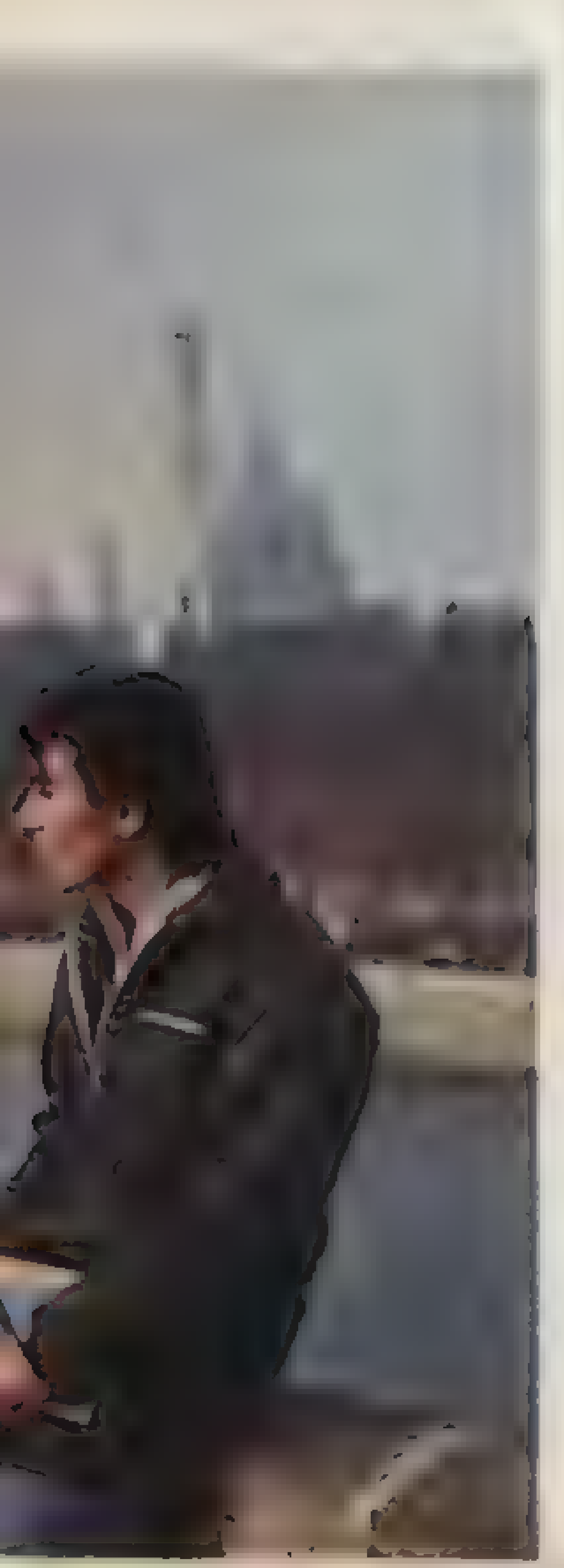
Одутловатый, желтолицый диктатор правил страной. Он уселся на теле страны, как стервятник, вонзил когти. Его стукачи, изображая из себя людей, ездили в автобусах и ловили неосторожных на приманку — ругали Сомосу, заводили опасные разговоры. Тот, кто попадался на крючок, в один день вдруг, очнувшись, видел себя лежащим на цементном полу, среди сгустков сплюнутой крови — собственной крови.

Но где-то в горах были сандинисты. Они накатывали волнами и уходили, они то слабели, то усиливались, и все время в народе знали о них, ждали, когда они придут. А потом — Хосе Луис помнит тот день — он бежал рядом с бабкой. Спасаясь от стрельбы, от пожаров, от убивавших всех подряд национальных гвардейцев, люди бежали из восточной части города в западную. На одной из улиц среди разбитых стульев он увидел лежащую на спине, животом вверх, мертвую беременную женщину. Гвардейцы убили ее, когда она вышла за чем-то на улицу

Ветер переносил от дома к дому какие-то бумаги. Воздух пах гарью горящей помойки. В животе у женщины задохнулся нерodившийся ребенок. Мальчик и бабка Филомена пробежали мимо, но с того дня он больше не испытывал жгучего интереса к оружию, к стрельбе, к войне. Может быть в тот день, убегая от сошедших с ума гвардейцев, испытав первый в жизни страх, он стал мужчиной

Сандинисты пришли в Манагуа.

Потом он вырос, но не забыл. Девять месяцев он служил в Чинандеге, где стоял

батальон ПВО. Он учился запускать с плеча переносную ракету. Особого упоения от этого он не испытывал, но знал, что это надо. «Только зрелому человеку можно дать в руки оружие. Я считаю себя достаточно зрелым. Во мне нет ненависти ни к кому. Я не хочу убивать. Если «контрас» мне сдается — я не убью его. Но я не могу позволить, чтобы они пришли снова».

«Вот что мы должны объяснить нашей молодежи,— сказал он.— Мы должны бороться за то, что хотим иметь. Чтобы завтра у нас было счастливое будущее, сегодня мы должны взять оружие в руки».

Лорена тоже знает войну, видела ее жертвы. «Я была в военном госпитале в Матагальпе. Я видела обожженных людей. Людей без рук. Людей без ног».

Никарагуа воюет и сегодня. Война стала частью обыденной, ежедневной жизни. И для Лорены даже время пропитано войной. За точку отсчета она берет атаки и налеты: «Это было за полтора месяца до их атаки на Панамериканское шоссе »

Может быть, именно потому, что война стала для нее обыденным фоном жизни, так удивляет и радует ее мир — мир, который она ощутила вокруг себя, когда прилетела учиться в СССР. Мир, которым полны улицы Москвы, где она гуляла с Хосе Луисом, взяв его под руку, маленькая рядом с ним, высоким и крепким парнем. В ней же, во всем ее облике, есть что-то трогательно-детское: она носила синие замшевые сапожки кукольного размера, и из-под ее буйных черных, раскиданных ветром волос глядело смуглое веселое личико. Присев на корточки, она кормила голубей в двух шагах от памятника Грибоедову на Кировской, где по бульвару прогуливались мамы с колясками, и, проходя мимо, она норовила заглянуть в коляску, увидеть толстощекое лицо спящего малыша. Этим миром она была как будто упоена, как будто купалась в нем и говорила: «У вас ведь все могут жить и не бояться, что убьют их ребенка. Вы счастливые люди, вы живете в мире. Это у вас основа жизни, даже в Программе партии у вас записано, что мир — ваша государственная политика...» Очевидные, само собой разумеющиеся вещи удивляли ее: то, что здесь стало нормой, там, в Никарагуа, было еще мечтой. «Во время поездки-экскурсии автобус остановился на обочине. Я подошла к людям, работавшим в поле, разговорилась (с помощью переводчицы) с женщиной. У нее было двое детей, дочь-врач... У крестьянки дочь — врач! — повторила она, назидательно подняв вверх свой смуглый пальчик.— Наши крестьяне еще не имеют таких социальных возможностей...»

Он воспринимает все более эмоционально, он же понимает, чего стоит этот мир и как он добыт. «Вы долго воевали. Сначала против внешнего и внутреннего врага, потом против фашизма. Вы знаете цену. Недаром мы изучаем исторический опыт вашей страны, мы учимся, где побеждать и как побеждать...»

В нем чувствуется эта упорная, сильная страсть к учебе, к познанию. Даже гуляя по Москве, пешком вымеряя ее набережные и мосты, бульвары и площади, он не расставался с синеньким испано-русским словариком, который все время вертелся у него в руках, в его длинных пальцах, как будто он был факир и собирался вот-вот показать фокус. Но вместо этого он вдруг на ходу открывал свой словарик и листал странички. В том, как он листал их, была некоторая неуклюжесть, он медленно считывал слова и, поняв, что не то, искал дальше. Любая, даже самая простая мысль прорастает в нем не сразу, возникает и медленно начинает быть. И по тому, как он упорно искал, как долго листал указательным пальцем страницы, стоя где-нибудь на мосту над Москвой-рекой, по которой медленно шла огромная баржа «Гжатск», и у гранитной набережной, на непрозрачных осенних волнах, покачивалось семейство уток, думалось, что он что-то очень важное ищет, необходимое, главное. Он находил наконец и читал по слогам «Ут-ка», и в голосе его тогда было удовольствие, удовольствие знать, что вот именно так по-русски называется эта птица в отличие от той, другой, про которую он уже знал, что она со-ро-ка. Он собирал эти слова как яркие камешки, как маленькие драгоценности, и делал он это не ради какого-то практического результата, а просто потому, что любит узнавать, любопытен.

Он застенчив. Лорена всегда отвечает на вопрос раньше его, потому что ему нужно время, чтобы преодолеть застенчивость и собраться с мыслями; но зато, начав, он уже говорит четко, уверенно, как ученик, который не просто книжку читает, а еще карандашом подчеркивает главные места. Он тоже так делает — в работах Ленина и Маркса желтыми и зелеными фломастерами были выделены ключевые фразы, взглянув на которые он уже может восстановить ход ленинской или марксовой мысли; так, по точкам, восстанавливают прямую. И, говоря о том, чему он здесь учится, он продолжает: «Проблемы у нашей страны те же, что были у вас. Воспитание масс. Ликвидация неграмотности. Защита границ от «контрас». Одним словом: исторический опыт...»

«Сухие слова,— сказал он.— Если не видеть за ними людей, то зачем? Здесь в ваших людях я вижу то, что мы хотим воспитать в наших. В классе изучаю тезис — пролетарский интернационализм. Проходит время, у нас встреча с учениками в школе...»

— Как они обступили нас! — перебила его Лорена — Да! Да! Они знали жизнь нашей страны. Они спрашивали: «Как у вас дела на границе с Гондурасом? В заливе Фонсека? На уборке кофе?» Это волновало их

— Ко мне подошла девочка,— сказал Хосе Луис.— Она все расспрашивала меня об Изабель Бренде Роча. Вопросы были очень подробными: «Прошел ли у нее остеомиелит? Как она вообще себя чувствует? Что делает?» Я удивился, спросил «Ты что, была с ней знакома в Москве?» Она тоже удивилась: «Что вы! Нет, я просто читала про нее, помню о ней».

Об этой девочке — обычной девочке из обычной московской школы — он написал в письме племянникам. Ведь они просили его писать обо всем интересном, что увидит в Советском Союзе. О чем же еще? Он пожал плечами смущенно, как бы не веря, что в его письмах может быть что-то примечательное; так, обычные письма... «Я написал, что здесь так же много детей на улицах, как в Манагуа. И мальчишки очень похожи, так же носятся бегом и на велосипедах. Еще написал про снег. В Никарагуа не бывает снега. А еще о том, что побывать у вас в стране то же самое, что побывать в будущем».

Они не были братом и сестрой — двое никарагуанцев в ноябрьской, присыпанной первым снегом Москве, но были странно похожи. Что роднит их, что делает похожими? В их смуглых лицах, черных густых бровях и шоколадных глазах — Латинская Америка. То, что они латиноамериканцы, дети одного континента, видно сразу: но было что-то еще, что трудно выразить словами, но что все-таки, наверное, самое важное в них.

Они очень молоды: в ее бурной жестикуляции, в его застенчивости чувствовались их годы, их двадцать лет. Серьезное и веселое для них не разделено стеной, они пылко отстаивали что-то важное для себя и тут же, не выдержав собственной серьезности, смеялись: «Знаете, как про нас, никарагуанцев, говорят в Латинской Америке? Мы ведь самые шумные Если, говорят, никарагуанец врага и не победит, то по крайней мере запугает.. »

Будущее их не очень волновало — в главном, в основном они уже решили свою судьбу. Что они будут делать, когда вернутся? «Буду работать там, куда пошлет организация»,— сказал Хосе Луис. И Лорена подтвердила «Работы хватит...» Они не думали о будущих трудностях и опасностях, во всем этом видна безмятежность двадцатилетних. Но еще и уверенность людей, избравших путь, готовых идти по нему, несмотря ни на что.

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

со стр. 7 ▼

Сыплет дождь, легкий, грибной, даже зонт никто не взял. Погода в Закарпатье капризная, под нее не подстроишься. В городской парк собрался почти весь Чоп, играет духовой оркестр, и тут дождик. А они смеются — хорошие, добрые соседи, ну и что, что разделяет их граница, люди-то везде такие же. Снимаются с лопатами под грибным дождем. Закладывают аллею Дружбы. А в Захони и в Эперьешках растут в скверах молодые деревья, посаженные советскими железнодорожниками. Растут, крепнут, набирают силы, как дружба.

Ведет Григорий Луговой поезда через Тиссу. «Ахой! Привет! Сервус!»

Не успел оглянуться, а уже старший сын женится.

Аня, невестка, тоже с железной дороги, диспетчер. Смеялись — железнодорожная свадьба. Да тут почти все свадьбы железнодорожные.

Праздновали в Червонном, у ее родителей. Столы поставили прямо под деревьями. Гостей — все село. Танцы под магнитофон. Старушки головой качают — в шитых украинских нарядах, пухлые, сдобные, подбородки горбушками. На следующем снимке не выдержали, вскочили — показывают, как раньше на свадьбах плясали.

В самом углу фотографии — если не вглядываться, можно не заметить — Григорий Яковлевич Луговой, вдруг, незаметно постаревший, обнимает свою Катю, а та вытирает слезу платочком, вспомнила, наверно, свою свадьбу, декабрьскую, метельную и такую счастливую, а теперь у молодых — как жизнь сложится?

Новый дом строили своими руками. Вот он стоит, такой огромный, если подальше не отойти, весь в объектив не поместится. Дом ставили прочный, каменный, на крепком фундаменте — на долгую мирную жизнь.

Снова почетные грамоты, вырезки из газет:

«Наш дядя Гриша» — уважительно называют Григория Яковлевича Лугового молодые машинисты...»

И вдруг оказывается, что он ведет свой последний скорый. Вдруг оказывается, что поджимают молодые, что здоровье уже не то, что рабочая жизнь уже позади, что нужно уходить на заслуженный отдых.

Его ждали на платформе. Пришло почти все депо. Их снимал корреспондент из многотиражки — торжественная передача ключа от отца сыну. Александр принимает электровоз отца. Все улыбаются. Еще бы! Такое событие — и Григорий Луговой улыбается, хлопает сына по плечу, а глаза грустные что теперь, в лес за грибами ходить да внуков нянчить?

Отправляют деда гулять с внучкой Танечкой, а он, куда ни пойдет, все у железной дороги оказывается. Идут мимо поезда, а из окошек локомотивов все выглядывают знакомые лица: «Привет, дядя Гриша!», «Ахой, дядя Гриша!», «Сервус, дядя Гриша!»

Значит, есть в границе дружбы и частичка его жизни.

Стоят с внучкой и машут поездам.

И все-таки не усидел дома, работать слесарем пошел — руки без дела ноют.

Война уже столько лет как закончилась, а кажется, что совсем рядом. Попалась вдруг в руки страничка из какой-то книги, вот она, выпала из альбома, пожелтевшая, потертая. На снимке — военные, крымские партизаны. Крайний слева — «командир бригады Николай Луговой».

Мало ли Николаев Луговых! Да и фотография мелкая, черты лица нерезкие. Сел писать письма в Крым, комсомольцам, в музеи. А по ночам сердце ноет. Сорок лет прошло.

Фотографий еще вон сколько, а старый альбом кончается. Жизнь дальше идет.

Один сын — машинист. Железнодорожная династия Другой окончил институт физкультуры в Киеве, чемпион Украины, вот медаль на стене висит. Внучка уже во второй класс пошла. Внук-богатырь растет, по кило в месяц прибавляет.

Жизнь на мирной границе. Но для этих фотографий нужен уже новый альбом.

«НАШ ЭКСПЕРИМЕНТ УДАЛСЯ»

со стр. 11 ▼

Пенсильвании, не разделял идей большевистской революции, его захватили техническая сложность и масштаб поставленных задач.

До первой мировой войны в Кузнецком бассейне работали около дюжины шахт, в 1922 году действовали только четыре, но и они были в плачевном состоянии: подпорки подгнили и грозили обвалами породы, из-за скопления рудничных газов спускаться в шахты без масок было смертельно опасно, а вентиляция, как правило, отсутствовала. Шахты заливала вода, несколько имевшихся помп давно вышли из строя. Вместо шахтерских фонариков здесь пользовались ручными керосиновыми лампами, неудобными и опасными.

Американские шахтеры взялись за центральную Владимирскую шахту. Реорганизация труда, проведенная Пирсоном, скоро дала хорошие результаты, и русские рабочие стали просить о переводе на Владимирскую. Работая рядом с американцами, они перенимали их опыт. Уже в 1925 году Пирсон докладывал: добыча угля возросла со 100 кг до 1 т на человека.

СИБИРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ. Уильям Махлер из Нью-Джерси, доктор химических наук Венского и Цюрихского политехнических институтов, возглавил строительство химического завода Оно было начато еще до первой мировой войны франко-бельгийским концерном «Копикус», но только и осталось от него недостроенное здание. Заводу отводилась решающая роль в индустриализации района, здесь намечалось производство ценнейших химических продуктов Подобное предприятие стало бы первым в Сибири.

Помня положение, в каком была Россия в 20-е годы, мы легко можем представить неимоверную сложность задачи, стоявшей перед колонистами. Машины и многие материалы приходилось покупать за границей, оборудование, которое удалось доставить в Советскую Республику, не подходило для существовавшего здания, его пришлось реконструировать. Каждый день возникали новые проблемы, но строительство заметно продвигалось вперед

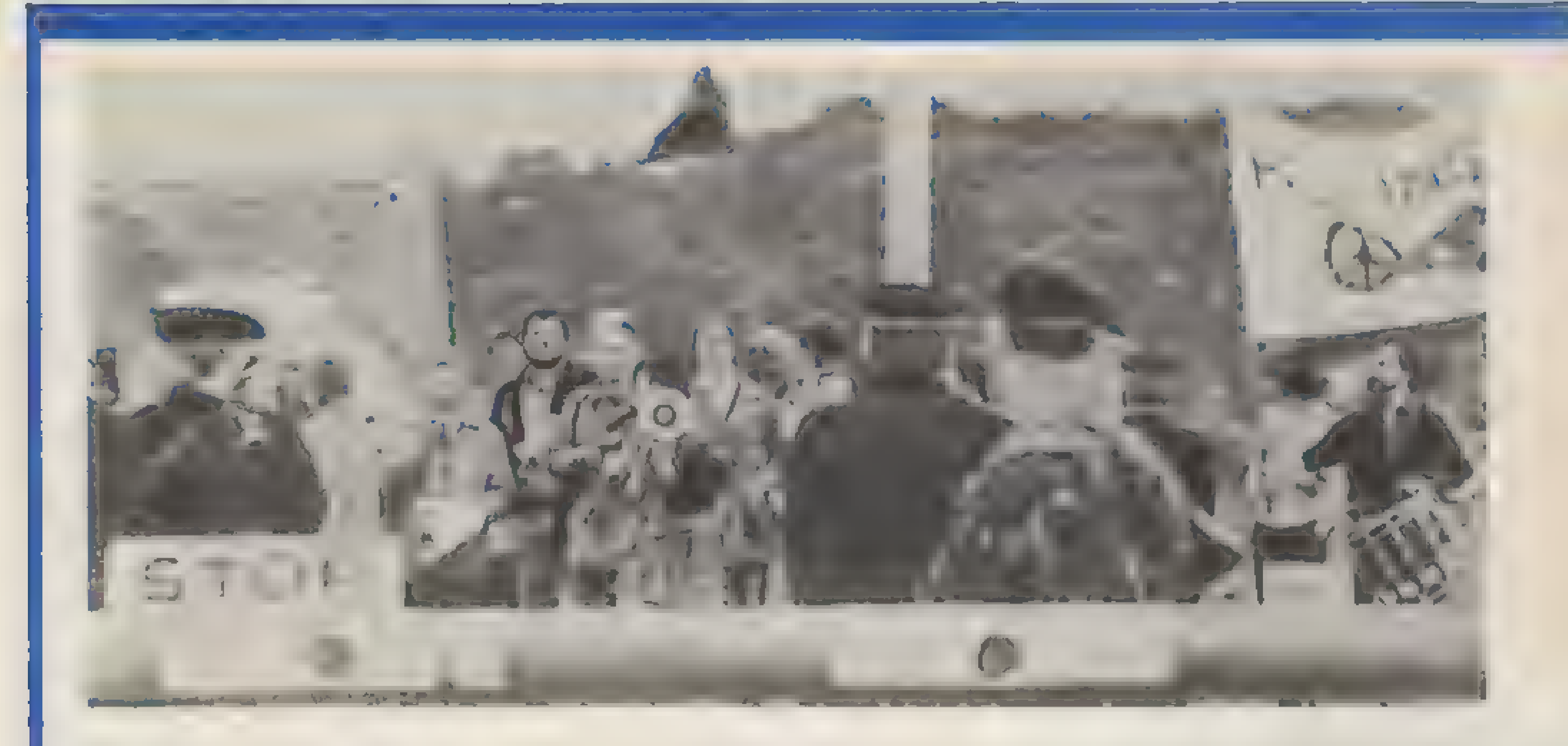
Инженер-электрик Уильям Бендер и его помощник Джон Тачелски уже устанавливали электрооборудование на заводе и на электростанции на западном берегу реки. Через Томь потянулись высоковольтные провода. Но подлинным героем «электрификации» стал неутомимый снабженец Саймон Хан. Он прослышал, что на одном из складов во Владивостоке лежит турбогенератор, и отправился за ним. Во время первой мировой войны он был куплен царским правительством у США, погружен на русское судно, впоследствии подорвавшееся на мине и затонувшее под Владивостоком. В 1922 году судно подняли, турбогенератор доставили на склад, а Хан организовал его перевозку в Кемерово. Машину очистили, смазали и «дали ей новую жизнь».

Благодаря турбогенератору появился излишек энергии, и американские колонисты решили электрифицировать ближние села. В полях выросли столбы, и в крестьянских избах впервые загорелся электрический свет.

Бригадир электромонтажников демонстрировал крестьянам, как печь на электроплитке блины. Потом он взял утюг и прогладил мятую рубашку, женщины ахнули.

2 марта 1924 года по льду реки из Кемерова на шахтерскую сторону со знаменами, ярко алевшими на снегу, под духовой оркестр советские люди шли на торжественное открытие завода На возвышении стояли доктор Махлер и его помощники. Торжественный момент — взрыв музыки и аплодисментов приветствовал хлынувший огненный поток кокса. Кто-то выкрикнул лозунг, его подхватили и скандировали снова и снова: «Да здравствует малый сибирский интернационал!»

Перевел с английского
В. СИМОНОВ

Люди различной политической ориентации требуют положить конец милитаризации общества, политике агрессии и войны, покончить с расовой и национальной дискриминацией, ущемлением прав женщин, ухудшением положения молодого поколения...

Из проекта новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза

На снимках (слева направо) **верхний ряд**: молодые англичане за мир, против любителей «военных игр»; антивоенная демонстрация в Мадриде, **нижний ряд**: «Ассигнования на школы, а не на вооружение!» — требует молодежь Италии; молодые ученые США против «звездных войн», «Нет — ракетам на нашей земле!», «Мы будем бороться, пока не поздно» — к этому убеждению приходит все больше молодых граждан Федеративной Республики Германии

Бороться, пока не поздно

«Ваш журнал призывает молодежь бороться за свои права, за мир. Поймите меня правильно, я против американских ракет. Нечего им делать в ФРГ. Но я не вижу смысла во всех этих маршах мира, сборах подписей, митингах. Было время, я тоже мокла под дождем в пикетах, носила плакаты, кричала до хрипоты: «Работа — да! Ракеты — нет!» Ну и что! Услышал меня, да и нас всех, кто-нибудь! Убрали ракеты! Нет, конечно. Политики все решили за нас. Движение за мир борется, а все идет, как задумано властями. Разве не правда! Если это начнется, то начнется, даже если в ФРГ все до одного человека выйдут на демонстрацию. Имею в виду войну. И тогда уже будет все равно, боролись мы за мир или нет.

Вы полагаете, что, если все люди будут бороться за мир, можно еще спасти человечество! А что вы думаете об оружии! Ведь его уже столько, что можно уничтожить не одно, а пять-десять человечеств. Разве не правда! А самые умные головы изобретают еще и еще, чтобы убить побольше людей. В это же время гибнет природа: умирают леса, дышать нечем — воздух загрязнен, реки становятся мертвыми.

Одни люди гибнут от голода, всю свою укороченную жизнь недоедают, а другие думают, как бы уничтожить еду, чтобы она не подешевела.

Мир устроен неразумно. Но разве я и такие, как я, могут его исправить! Разве в моих силах накормить голодных! Что могу я сделать, шестнадцатилетняя школьница! Ну потрачу я свои лучшие годы в пикетах и демонстрациях, а сильные мира сего все сделают по-своему, как выгодно богатым.

От моего собственного будущего я не жду ничего хорошего. Красивой жизни, как показывают в кино, у меня никогда не будет. Мои претензии скромней: я мечтаю получить место ученицы на солидном заводе. Мне всегда говорили: учись хорошо, и твои шансы в жизни будут предпочтительней. Но я вижу, что это неправда. Сколько ребят из моей школы учились просто блестяще. И что же! А ничего, ходят, ищут любую работу. Но все же я думаю, мне надо стараться получить хороший аттестат. Даже если я не найду места, не буду упрекать себя. Думаю, мне надо все время отдавать учебе. Так я ре-

шила для себя вопрос, стоит ли бороться за мир.

И еще одно. Я не хочу, чтобы будущее приходило: в нем нет ничего хорошего.

Сюзанна КУТЦ, Ганновер».

Письмо школьницы из Ганновера, которое вы прочитали, опубликовал западногерманский молодежный журнал «Элан». Школьники, учащиеся технических училищ, молодые рабочие прислали в «Элан» свои ответы Сюзанне, на страницах журнала разгорелась дискуссия «Стоит ли бороться?».

Этот же вопрос: «Стоит ли бороться?» — мы задали ребятам из западногерманской делегации на XII Всемирном фестивале в Москве.

Маттиас НИТШЕ: «Свой ответ я начну с вопроса. Почему в ФРГ каждый год 1500 молодых ребят и девушек кончают жизнь самоубийством? Совсем недавно в Аахене покончили с собой трое. Удо, Хюркан и Юрген. Они отравили себя выхлопными газами. Удо я знал. Он оставил записку: «У нас нет никаких шансов в этой жизни». Ему было семнадцать. В школе его считали очень способным, он хорошо учился

Газеты в ФРГ часто пишут о таком. Читатель любит подробности: кто, где, как? Снимки погибших. Снимки родителей. Что только не делают журналисты, чтобы заполучить эти фотографии. Школьным товарищам Удо предлагали деньги, мне самому давали двести марок за любительский снимок Удо, к родителям пришли под видом полицейских. Смерть ведь как удав: ужасом заманчива. Но я ни разу не читал ни в одной газете, чтобы честно рассказали, почему семнадцатилетние уходят из жизни. Почему? Что происходит с обществом? Что такое в нем происходит, что приводит подростков в отчаяние?

Так почему?

Я отвечу вам на этот вопрос. Я знаю, что на него ответить.

Два года назад я тоже решил — хватит. Это трудно объяснить, если человек не был сам в таком состоянии. Представьте себе, начинается день, все куда-то спешат, у них дела, заботы, они кому-то нужны, а у меня нет ничего: ни планов, ни работы — ничего. Мне только и остается, что слоняться по улицам. Сегодня, завтра, всегда, всю жизнь... У меня ничего нет и не будет. Ни профессии, ни работы, ни положения в обществе, ни надежд. Передо мной стена Со всех сторон стена. Можно биться об нее головой, можно не биться — это все равно. Другого ничего не будет.

Неужели для этого я родился? Стоило ли?

Купил я таблетки, проглотил их одну за другой. Вот и все: никаких проблем.

Ну а потом? Потом было гадко. Не хочу об этом говорить. Я перестал себя уважать: слабый человечишка

Я где-то читал: человек стоит столько, сколько стоит то, чего он хочет добиться. А если он сложил ручки, то ничего и не стоит. Пустое место, голый ноль. Если душа в нем спит — человека нет

В то время я искал себе работу. Безработный я и сейчас. И не знаю, найду ли работу в будущем. Меня просто вычеркнули из жизни. Я ненужный. И что делать? Смириться? Поставить на себе крест? Да это же им, этим господам, только на руку. Это они поставили на мне крест, а не я. А сам я считаю, что имею столько же прав на жизнь, как и каждый человек. И за свои права буду бороться, потому что я живу.

Я член Союза немецкой рабочей молодежи (СНРМ). Пришел я в нашу организацию, чтобы бороться не в одиночку. Бороться против всего, что мешает нам жить,— против безработицы, угрозы войны, против американских ракет, против загрязнения окружающей среды

Я расскажу о нашем марше, который мы провели в поддержку закона об ученических местах. В промышленном Руре, где я живу, безработица молодежи — это проблема номер один Чтобы получить место, надо иметь профессию, чтобы получить профессию, надо где-то учиться, а предприниматели число ученических мест каждый год сокращают. Мы требуем, чтобы был принят закон, согласно которому каждая фирма была бы обязана десять процентов рабочих мест предоставить ученикам. Если только 28 крупнейших предприятий Рура отдадут 10 процентов мест ученикам, около восьми тысяч человек сможет работать и учиться. Конечно, это капля в море, но надо хоть сдвинуться с мертвой точки.

Нас было двенадцать ребят и девушек, активистов СНРМ. Мы сшили из тряпья балахоны, написали на них: «Работу, а не ракеты!» — взяли мегафоны, сели на велосипеды и отправились по городам Рура. В мегафон мы сообщали наши требования. Сразу вокруг нас собирались люди: на дороге, на площади в городе, возле предприятия, школы, училища — всюду. Одни послушают и отойдут, другие сами рвутся к мегафону — свое сказать. Мы становились пикетом возле домов, где комитеты ХДС (в ФРГ правят христианские демократы, знаете, конечно), а к нам другие ребята подстраиваются — они ж понимают: мы и за них воюем. Как бойкий перекресток, слезаем с велосипедов, собираем подписи под требованием принять закон об ученических местах.

Кто-нибудь может сказать ну, объехали вы весь Рур, устали так, что стоя засыпали, сорвали голосовые связки, а что толку? Закона об ученических местах как не было, так и нет. Выходит, все зря?

Таким людям я отвечу: кто борется, может не победить. Но кто не борется, тот уже побежден. Да, главной победы мы пока не одержали, закон не принят. Но мы одержали много других, наверное, не менее важных побед. Главное — заставить людей задуматься, привлечь их внимание к настоящим причинам безработицы. Главное, чтобы они поняли, кто действительно виноват в наших бедах, кто лишает молодежь надежды, а нацию будущего. Мы показали многим ребятам, что нечего им в одиночку биться об стены, только все вместе мы чего-то стоим. И чем больше людей будет с нами, тем больше у нас шансов одержать победу в следующий раз».

ТАЙФУН: «Меня все зовут Тайфун, это и имя и фамилия Дело в том, что мой отец родом из Турции. Еще до моего рождения он приехал в ФРГ на заработки. Я студент. Вы спрашиваете, стоит ли бороться? Думаю, человека, который ответил бы — нет, не стоит, в нашей делегации вы не найдете. Но так считают в ФРГ совсем немногие. И бороться стоит в первую очередь за них. Как? Прежде всего примером. Я расскажу такой случай. Власти решили изменить систему университетского образования. По новым правилам студенты с деньгами могут заниматься у лучших преподавателей, в лучших лабораториях, выбирать специализацию. А кто не может оплатить высококвалифицированных профессоров и современные лаборатории, соответственно получает похуже диплом, да и знания у них скорее всего будут хуже Этот новый университетский закон урезает права студентов, и прежде всего, конечно, малообеспеченных.

Мы развернули кампанию протеста. Писали, печатали и распространяли листовки, в них объясняли, против кого закон и почему мы против закона. Конечно, не все студенты присоединялись к нашим забастовкам, но когда на семинарах начинались дискуссии по этому закону, слушали-то их все. И первый успех: 98 советов высших

школ ФРГ выступили против нового закона.

Особенно тщательно мы готовились к решающей битве — демонстрации в Бонне. 15 июня 1985 года она состоялась. 40 тысяч студентов, профессора, учащиеся школ. Они представляли почти все высшие школы республики. Нас поддержали прогрессивные политики, профсоюзы, студенческие организации, писатели, художники. В тот день, 15 июня, мы поняли — мы сила. Мы не одни. Это удивительное чувство — бескорыстная человеческая солидарность. Разве одно это уже не победа, за которую стоит бороться?

Но была и еще одна победа — бундесрат отложил принятие дискриминационного закона

А представьте себе, что мы бы все сидели по своим углам и только бы охали. Сколько бы человек было вынуждено бросить университет? Сколько было бы отчаявшихся?

Мы не просто победили, мы показали людям пример, как отстаивать свои права

Еще я хотел бы сказать о неофашистах. Может ли человек думать о себе как о честном и порядочном и пасовать перед этими подонками?

Они знают больное место молодежи — безработица — и действуют подло и хитро. Парень обошел все заводы, все мастерские — нигде не берут. А неофашисты ему говорят — все места захватили иностранцы. Они ему не расскажут, что этих гастарбайтеров в свое время зазывали на черную работу, которой сами западные немцы гнушались. Парень видит: действительно, гастарбайтеры чинят мостовые — у них работа. А у него нет работы. И тут ему говорят: а при Гитлере безработицы не было и вообще жизнь была лучше. Он идет в кино, а там фильм рассказывает об этой «прекрасной» жизни при Гитлере: маршируют «благородные» эсэсовцы, играют духовые оркестры. И он верит. Потому что в школе на уроках истории он ничего про жизнь при Гитлере не узнал, это в лучшем случае. А то и в школе говорят — при Гитлере у всех была работа, а солдаты развлекались в Париже. По телевизору то же самое: в программе новостей сообщают прогноз погоды на всей бывшей территории «третьего рейха». Тот, кто послабее, уж совсем невежественный, подается к нацистам. И когда они всей бандой маршируют по улицам, обыватель их боится. А парень чувствует себя героем.

Спокойно смотреть, как обманывают этих подростков,— уже подлость. Надо действовать. И немедленно, пока не поздно. Что мы можем сделать? Очень много. В ФРГ есть честные люди. Мы обращаемся к узникам фашистских лагерей, ветеранам борьбы с фашизмом, к прогрессивным писателям, кинорежиссерам. Мы приходим в школы, показываем ребятам фильмы, каких они не увидят в кино, документальные тоже, перед ними выступают убежденные антифашисты. Подростки должны знать: фашизм не только в прошлом, фашизм — это их враг и сегодня. Если они не будут знать прошлое, не будут бороться, оно может вернуться в новом обличье. Фашизм пытается лишать людей памяти о прошлом, чтобы отнять у них будущее.

Мы организовали в школе свои уроки истории. Той, какая была на самом деле. Ребята узнали, что было в их городе в те годы. В их доме. На их улице. Где было здание гестапо. И кто эти «благообразные» старички, что читают газеты у фонтана

Мы с уважением относимся к подросткам, мы верим, что они сумеют разобраться и в прошлом, и в настоящем своей страны. Не позволят себя обманывать Когда они все поймут, они сами придут к нам. Они начнут бороться с неофашистами. И такие примеры тоже есть.

Неонацистам нельзя уступать ни одного человека, ни одного дома, ни одной улицы. И надо, чтобы даже обыватель перестал их бояться. Для этого мы должны ему показать: никакие они не сверхгерои, а обыкновенные трусливые подонки. Если в киоске продаются их газеты, мы устраиваем пикет возле киоска. На нашей улице нет места неонацистам. Если мы узнаем, когда и где они планируют свой митинг, мы немедленно создаем комитет, в который входят представители разных молодежных демократических организаций. Это очень важно, выступать против этих неофашистов единым широким фронтом. Одно дело, если против них выступит только наша организация, и совсем другое, если на улицы выйдет весь город. Можно заранее занять место их сбора: в ход идут трещотки, рожки, мегафоны. Когда нас много, разогнать их несложно.

Но это не игра. В этой борьбе все по-настоящему, все серьезно. Дело доходит до кровопролития. И чтобы не повторился тридцать третий год, чтобы неогитлер не прокрался к власти, мы должны быть готовы, мы должны быть едины.

Борьба с неофашизмом — это не только борьба с неофашистами. Это борьба за человека, за то, чтобы он не оступился, остался человеком. В людях разжигают расовую ненависть. И все становится очень просто, во всем получается виновато не классовое общество, не капитализм, а турки. Такая примитивная психическая атака на умы дает свои плоды — начинается травля турок.

Вражде, ненависти мы пытаемся противопоставить уважение к культуре и обычаям другого народа, дружбу между людьми разных национальностей. Мы устраиваем совместные праздники, встречи, дискотеки, чтобы западнонемецкие и турецкие ребята и девушки почувствовали, что у них общие проблемы, общие враги, общая борьба, общая цель — жить по-человечески. Это значит жить в таком обществе, где главное не прибыль, а человек. Такое общество — социализм. Но само по себе такое общество не появится. За него нужно бороться».

Томми КЭМПЕР: «Я живу в Гамбурге, в квартале, который называют трущобами. Трущобы — это не только вид домов, это люди. Здесь живут отчаявшиеся люди. Когда мой отец потерял работу, он спился. Старший брат семь лет как кончил школу и семь лет безработный. И так в каждой семье. Дети в моем квартале неграмотные почти все. Могут написать свою фамилию — это единственное, чему они научились в школе. В школы, куда ходят дети добропорядочных родителей, нас не принимают. А в трущобной школе ничему не учат — зачем? Все равно мы никому не нужны. Мы, мальчишки, слонялись по улицам Штайльсхупа и знали: мы живем в гетто для белых и из него нам не выбраться.

Так было. Потом я спросил себя, а что ты, Томми Кэмпер, сделал для того, чтобы не было на свете трущоб и отчаявшихся людей?

Мне повезло. Я узнал, что есть Союз свободной немецкой молодежи. Я пришел в СНРМ. Мне хотелось спасти тех мальчишек, с которыми я слонялся по улицам Штайльсхупа, трущобному гетто. Спасти — значит вернуть им веру в себя, дать надежду. Один, конечно, я бы ничего не смог сделать. А СНРМ — это уже сила. Беда ведь в том, что психология трущобных людей в самом главном такая же, как во всем обществе. Каждый за себя, каждый для себя. А до всех остальных нет дела. Это и есть самая страшная мещанская психология.

Именно мещане задают вопрос: а стоит ли бороться? Именно мещане говорят, что движение за мир ничего не добилось. Они хотят оправдать таким способом свое бездействие

Да, ракеты, несмотря на все наши протесты, в ФРГ размещены. Но многое изменилось. Крефельдское мирное воззвание подписали 5 миллионов человек. Против размещения американских ракет высказались 75 процентов населения республики. В антивоенных манифестациях приняли участие миллионы людей. Самосознание западных немцев за последние пять-семь лет стало значительно более зрелым.

Успехом антивоенного движения было уже то, что оно приняло такой небывалый размах. Чем больше на нашей стороне людей, тем больше мы можем. А сделать мы должны много — предотвратить войну.

Я оптимист и верю в мир-

ное будущее. Но когда я начинаю думать о том, что происходит в мире, о том, сколько накоплено на военных складах смерти, я вижу, что война стоит у дверей. А люди беспечно отмахиваются, мол, что толку бороться за мир, надо жить, пока он есть, а когда начнется, то уж начнется. Я читаю книги, смотрю фильмы о том времени, когда вторая мировая война еще только стояла у порога. Тогда люди тоже не верили в возможность концлагерей и миллионов погибших в окопах и от бомбежек. Если бы все честные люди планеты тогда объединились против войны, возможно, в истории все было бы по-другому.

С того времени многое изменилось, силы мира неизмеримо выросли. В 50—60-е годы, во времена «холодной войны», показалось бы невероятным, что в ФРГ коммунисты, социал-демократы, христиане, профсоюзы выступают единым фронтом. Теперь это реальность. И в этой реальности еще один огромный успех нашего антивоенного движения.

Многие, кто сначала примкнул к нашему движению после того, как ракеты были установлены, перестали участвовать в антивоенных акциях, разуверились в действенности демонстраций и митингов. Для них борьба за мир была модным увлечением, своеобразным времяпрепровождением. Но все равно тот, кто так или иначе участвовал в антивоенном движении, стал иным человеком. Не таким, как прежде. Наша борьба заставила задуматься. О себе, о своей роли в жизни общества, о самом обществе, о том, почему оно устроено так несправедливо, почему правительство плюет на интересы своего народа. Люди поняли, что нельзя доверять правительству, что решать судьбу своей страны должны они сами.

Чтобы ответить на вопрос, стоит ли бороться, нужно прежде всего посмотреть, что было раньше, что стало теперь и что может быть в будущем. В Европе уже 40 лет мир, в XX веке самый длинный период без войн на нашем континенте. И за это стоило бороться. Стоит бороться, чтобы этот период продлился еще пятьдесят лет, шестьдесят, сто, всегда. И у нас есть все шансы для победы, нужно только действовать. Несколько человек готовят акцию. Из множества акций складывается движение. Активные движения во всех странах помогают сохранить мир.

Кому-то борьба за мир может показаться слишком абстрактной. Как борьба за воздух — что за него бороться, вот он, везде. А в Никарагуа идет война, самая настоящая. Головорезы из недобитых сомосовских банд убивают наших сверстников, и каждый вечер в новостях мы видим это по телевизору. Помощь сражающейся Никарагуа — одна из самых конкретных форм борьбы против войны.

24 марта 1985 года в Манагуа открылась типография Сандинистской молодежи. Деньги на ее строительство, больше двух миллионов марок, собрали западногерманские активисты борьбы за мир. Строили ее ребята из специальной бригады «Карлос Фонсека», в которую вошли и представители западногерманской молодежи. Типография печатает учебники для никарагуанских детей, школьные тетради. А ведь учебники и тетради нужно на чем-то печатать, а бумаги у молодой революционной республики не хватает. А дети хотят учиться. Значит, продолжается сбор средств, продолжается наша борьба. Я знаю ребят, которые продавали свои вещи, знаю девушек, которые отрезали свои волосы, чтобы вырученные деньги отослать молодежи Никарагуа. Там сейчас проходит передовая линия борьбы за мир. Сандинистская молодежь в благодарность за нашу помощь наградила СНРМ орденом молодой республики. До этого им были награждены всего 17 человек, которые с оружием в руках сражались за революцию и мир. И это большая честь для нас — ведь получается, теперь мы сражаемся с этими героическими людьми плечом к плечу.

«Стоит ли бороться?» — если вдуматься, странный вопрос. Потому что борьба — это, мне кажется, естественное состояние человека. Борьба — это движение вперед. Это и есть смысл человеческой жизни».

Записал М. ПАВЛОВ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рис. Н. БЕНУА

Снег. Хлопья валили густо, как помехи на телеэкране, приглушая рычание автобуса, везшего двух офицеров на ночное дежурство, не сулившее ничего, кроме смертельной скуки.

— Заступать в такой денек на защиту отечества — не подарок, а? — сказал лейтенант Олмер, напряженно следя за обледенелой дорогой, петлявшей по холмам Северной Дакоты.— Доберемся до места, получим медаль.

— Упаси боже заработать медаль за дежурство на кнопке,— отозвался Халлорхен.— После этого может не остаться ни одной живой души, чтобы прицепить герою награду на облученную грудь!

Халлорхен издал хриплый смешок и трубно высморкался в платок. Так и есть. Опять насморк. У него явная аллергия на снег.

— Вы начали рассказывать о подружке, которая у вас была. Ее звали Шила? — спросил Стив Олмер. — Любопытная особа.

— О, да,— улыбнулся воспоминаниям Халлорхен.— Мы познакомились, когда я служил на авиабазе «Эндрюс». Горячие были денечки. Марши протеста, концерты рока. Шила была в самой гуще, настоящая радикалка. Узнай она, чем я занимаюсь сейчас, ее бы хватил удар!

— Антиядерная крикунья,— мрачно уточнил Олмер.

— Да. Но ей можно было простить все,— почти оправдываясь, сказал Халлорхен.— Девушка — полный восторг!

Олмер склонился к стеклу, вглядываясь в темень впереди.

— Подъезжаем к центру,— сообщил он.

— В самый раз! — Халлорхен тряхнул планшет, пристегнутый стальным браслетом к запястью левой руки, открыл дверцу и спрыгнул в хрустящий сугроб. Ветер резанул по лицу, снежная крупа залепила глаза. Сквозь пелену вырисовывался силуэт строения, похожего на заурядный фермерский дом.

Олмер добрался до двери первым и встал, пропуская вперед командира. Войдя в теплое помещение, Халлорхен снял облепленные снегом унты, парку и остался в небесно-голубом комбинезоне с надписью «321-е РАКЕТНОЕ КРЫЛО» на спине. Он вытащил из планшета красную пластиковую папку. Подойдя к пуленепробиваемому стеклу, просунул папку в прорезь сидевшему в будке охраннику.

Лицо за стеклом не выразило никаких эмоций. Охранник раскрыл папку, внимательно изучил впаянные в пластмассу пропуска с фотографиями, после чего сличил снимки с оригиналами. Затем снял трубку и набрал номер.

— Дежурная смена прибыла, сэр,— сказал он. Губы его чуть тронула улыбка.— Совершенно верно.— Он положил трубку.— Проходите. Еще минут двадцать, и мы бы начали вас разыскивать.

— Угу,— отозвался Халлорхен.— Должен предупредить тебя, малыш,— обратился он к Олмеру.— Болтаться возле ракетного комплекса «Минитмен III» не рекомендуется. Здесь сначала стреляют, потом спрашивают.

В ответ на мрачную шутку охранник лишь покачал головой и нажал кнопку. Раздалось легкое гудение, дверь открылась. Офицеры прошли в зону.

Дневальный, еще раз взглянув на фотографии, вернул красную папку. Затем вынул из сейфа два пистолета в кобуре и выложил их на стол перед ракетчиками.

Олмер пристегнул оружие к поясу. «До завтра»,— кивнул он охраннику. Шаги гулко отдавались в коридоре.

Молоденький часовой возле лифта внимательно следил за их действиями, бдительно сжимая автоматическую винтовку М-16. Офицеры не удостоили его вниманием. Лейтенант Олмер утопил кнопку, а когда двери лифта раскрылись, пропустил старшего по званию в кабину.

Они спустились в подземный этаж стартовой базы. Бетона и стали здесь хватило бы на постройку целого города, подумал Халлорхен. Пятимегатонная боеголовка для этого сооружения все равно что ярмарочная шутиха, это я вам говорю!

Капитан вышел из лифта первым, и сразу же завыл сигнал тревоги. Халлорхен подбежал к стальной двери, набрал шифр на клавиатуре кодового устройства и произнес в микрофон внутренней связи:

— Говорит капитан Халлорхен. Передаю свои данные.— Вдохнув побольше воздуха, он отчеканил: — Лима, Оскар, Ноябрь, Лима, Виски, Гольф.

Сирена смолкла. Зажужжали невидимые моторы, и перед ними открылся очередной коридор, заканчивающийся второй стальной дверью. Офицеры остановились перед ней.

— Вызывает Эвон,— сказал Халлорхен в стенной микрофон.

Дверь раскрылась. Они небрежно откозыряли закончившей дежурство смене.

— А мы уже беспокоились о вас, ребята,— сказал командир ракетного комплекса, капитан Эд Флэндерс. Его помощник, лейтенант Морган, сидя за пусковым пультом, фиксировал на карточке данные приборов.

Помещение представляло собой комнату размером три метра на шесть, оборудованную всеми атрибутами технотронного века. Мигали сигнальные лампочки. Урчали вентиляторы. К легкому запаху озона примешивался аромат отсыревших носков и крепкого кофе. Из стен рядами выступали панели высокочастотных передатчиков, переключателей, воздухоочистителей и систем жизнеобеспечения. В углу стояло скоростное печатающее устройство, связанное напрямую со штабом командования стратегической авиации. В другом углу тихо гудел холодильник. В третьем нагло белел унитаз. Оба пульта управления запуском имели по компьютерному терминалу с панелями индикации готовности каждой из десяти ракет комплекса.

В стену командного пункта был вмонтирован ярко-красный сейф с двумя замками.

Пока Халлорхен запирал за ушедшей сменой стальную дверь, Олмер отстегнул кобуру, повесил ее на крюк и со вздохом опустился на красное сиденье у своего пульта. Парень совсем еще свеженький, подумал Халлорхен, но осваивается быстро, надо отдать ему должное.

— Третья установка не реагирует, сэр. Остальные девять птичек в полном порядке.

Красная лампочка на панели упрямо отказывалась гаснуть после отжатия кнопки сброса. Халлорхен подошел ближе: «Что там?»

Глаза Олмера неотрывно сверлили панель, словно там появилось привидение.

— Не отключается,— произнес он подчеркнуто ровным тоном.

— Стукни-ка по ней,— хмыкнул Халлорхен.

Олмер с явным облегчением постучал пальцем по панели. Сигнал немедленно погас.

Халлорхен шагнул к своему пульту, расположенному в трех метрах от первого, сел в кресло, пробежал пальцами по кнопкам, после чего задрал ноги на край консоли и, достав книгу, стал читать.

Халлорхен перелистнул страницу детектива. Он настолько увлекся интригой, что вздрогнул, когда из динамика донесся чуть гнусавый голос:

— «Ласточка», «Ласточка»! Я — «Нокаут». Сообщение. Молния Альфа в двух частях. Приготовиться к приему.

Детектив плюхнулся на пол. Движения Халлорхена были отточены тренировкой до автоматизма. Он вскочил, схватил с полки над консолью картотеку и быстро пролистал ее. Ага, вот. Голубая пластиковая карточка с кодом МОЛНИЯ АЛЬФА. Он взял магнитный карандаш.

Странная история, мелькнуло у Халлорхена.

— Приготовиться к записи сообщения,— приказал он.

Олмер был начеку.

— Готов,— откликнулся он, выложив свой формуляр.

Голос в динамике монотонно произнес: «Молния Альфа... Молния Альфа. Ромео, Оскар, Ноябрь, Чарли, Танго, Танго, Лима».

Халлорхен быстро вписал кодовые буквы в прорези формуляра.

— Идентификация,— продолжил голос.— Дельта, Лима, Золото, Два, Два, Четыре, Ноль, Девять, Танго, Виктор, Рентген.

Халлорхен по-прежнему действовал совершенно автоматически. Шаг к сейфу. Олмер уже стоял там

Журнальный вариант. Книга готовится к печати в издательстве «Мир»

Халлорхен начал набирать комбинацию на своем замке и успел на мгновение опередить Олмера. Поднял дверцу сейфа. Офицеры взяли лежавшие на полке хромированные ключи и пластмассовые идентификаторные карточки с надписью МОЛНИЯ-А.

Шагнув назад к своему пульту, Халлорхен распечатал свой идентификатор. Пальцы его слегка дрожали. Он сделал глубокий вдох и сличил карточку с формуляром. Код на идентификаторе был тот же, что передали по радио!

На дисплее компьютера появилась комбинация букв и цифр. Халлорхен внимательно всмотрелся в нее. То же самое

— Так, спокойно,— сказал он самому себе, сглатывая слюну.— Запроси подтверждение, у какого-нибудь олуха мозги могли съехать набекрень.

Халлорхен аккуратно набрал на своем терминале запрос. В трех метрах от него то же самое проделал лейтенант Стив Олмер.

— Ну, детка,— произнес Халлорхен умоляющим голосом.— Скажи, что это ошибка!

По экрану проползли буквы.

ПРИКАЗ НА ЗАПУСК ПОДТВЕРЖДАЮ.
НАВЕДЕНИЕ НА ЦЕЛЬ ЗАКОНЧЕНО.
ВКЛЮЧИТЬ ПРЕДСТАРТОВУЮ ПОДГОТОВКУ.
ВРЕМЯ ДО ПУСКА: 60 СЕКУНД.
НАЧАТЬ ОТСЧЕТ.

Несколько бесконечных секунд Халлорхен смотрел на текст. Голос в динамике вывел его из оцепенения.

— Шестьдесят... пятьдесят девять... пятьдесят восемь..

— О, боже! Это по-настоящему! — без всякого выражения произнес Олмер

Халлорхен облизнул губы.

— О'кэй. Приступаем.

Слова вырвались у него совершенно автоматически: восемнадцать лет в авиации не прошли даром. Он пристегнулся ремнем к сиденью. Руки действовали сами по себе, но недоумение не проходило.

Вас учат, как надлежит действовать; вас учат, что это должно быть сделано; но вам не говорят, что вы должны чувствовать, когда такой приказ обрушивается на вашу голову.

Халлорхен взял ключ и вставил его в гнездо, на котором были обозначены три позиции: ВЫКЛ.— УСТАНОВКА ЗАПУСК. Все еще автоматически он приказал: «Ввести код разблокировки».

Пальцы Олмера пробежали по кнопкам. Его голос звучал по-прежнему монотонно.

— Есть код разблокировки.

Где-то в самой глубине сознания капитана Джерри Халлорхена, пробиваясь сквозь автоматизм, сквозь удивление, сквозь все остальное, зазвучал чей-то тихий голосок.

— Гм,— он прочистил горло.— Ключ в гнездо.

— Есть ключ в гнездо.

Он узнал голос. Шила. Шила, произносящая одну из своих тирад по поводу ядерной войны.

— О'кэй,— сказал Джерри, глядя прямо перед собой. Сердце колотилось сильней, во рту стало сухо.— Слушай мою команду. Ключ на «установку».

— Есть,— подтвердил лейтенант.— Ключ на «установке».

В памяти Джерри Халлорхена возникла Шила. Ее слова: «Беда в том, что ограниченный мозг военных не в состоянии охватить проблему в полном объеме. Ведь речь идет об оружии, которое унесет миллионы человеческих жизней! Сгорит живая плоть, разум, надежда, любовь. Неминуемо погибнут все ценности... и, возможно, навеки. Вообрази это, Джерри. Вообрази!»

— Сэр? — спросил лейтенант Олмер.

— А?..— очнулся Джерри.— Включить предстартовую подготовку.

Лейтенант Олмер щелкнул тумблерами. Он был весь поглощен производимыми действиями, четко соблюдая предписанный инструкциями порядок. «Первая готова... Вторая готова,— бубнил он.— Третья готова».

Десять ракет были готовы вырваться из стартовых шахт, волоча за собой хвосты адского пламени, взмыть сквозь снежный вихрь в стратосферу и лечь на заданную траекторию. Половина будет сбита в небе, но остальные, как предполагалось, достигнут стратегических целей и взорвут свой груз.

— Шестая готова.

Джерри внезапно обдало жаром.

— Погоди секунду,— бросил он.— Попробую выяснить по телефону, в чем дело.

Он схватил трубку. В уши ворвался пронзительный визг. Господи, нас предупреждали, что именно так и будет, если...

Он швырнул трубку на рычаг.

— Все установки готовы,— доложил Олмер.

— Свяжись с командиром крыла по своему телефону! — приказал Халлорхен с отчаянием в голосе.

Олмер, словно цепляясь за соломинку, снял свою трубку. Тот же леденящий душу визг. Олмер повернулся к Халлорхену, в глазах его стоял немой вопрос: неужели все?

Халлорхен сжал кулаки. Оставалась последняя надежда.

— Попробуй вызвать штаб по ВЧ!

— Но, капитан, по инструкции мы не...

— Плевать на инструкцию! — загремел Халлорхен.— Неужели никто не подойдет к этому чертову телефону прежде, чем я убью двадцать миллионов человек!

В голове опять зазвучал голос Шилы: «Ты видел когда-нибудь ожоги от радиации, Джерри? Видел, во что превращают людей радиоактивные осадки?»

Олмер лихорадочно нахлобучил на голову наушники, воткнул штекер в передатчик высокочастотной связи, нажал кнопку вызова и замер вслушиваясь.

— Молчат,— выдохнул он. Глаза его округлились — А может, они уже того... испарились?

Халлорхен часто задышал. Там, снаружи, была Глэдис. И дети.

— О'кэй. Слушай мою команду. Ключ на запуск.

Вы отличный офицер, капитан Халлорхен, сказали они. Сколько вам осталось до полной выслуги — десять лет? Прекрасный послужной список. Да, мы считаем вас подходящей кандидатурой. Надеемся, вы понимаете, что это назначение является высшей честью для офицера... Но оно сопряжено также с тяжелой ответственностью..

— Есть,— отозвался Олмер.— Готов к запуску.

В ваших руках окажется судьба Соединенных Штатов Америки, капитан Халлорхен, сказали они. Родина надеется на вас...

— Тринадцать... двенадцать...

Записанный на пленку голос продолжал автоматически отсчитывать время. Халлорхен стал повторять:

— Одиннадцать... десять...

Слова Шилы снова заполнили сознание: «Ты же не машина, Джерри, ты — человек. Поэтому ты и дорог мне! Не позволяй задурить себе голову!»

Слова команды упрямо не хотели слетать с уст Халлорхена. Они застряли в глотке. Капитан опустил руку.

Олмер повернулся к командиру. На лице у него читалась явная тревога.

— Сэр!.. У нас приказ!

Халлорхен молча смотрел на лейтенанта. Олмер выдернул из кобуры пистолет 38-го калибра и навел на своего начальника.

— Ключ... положите руку на ключ, сэр,— произнес Олмер почти умоляющим тоном.

— Шесть... пять... четыре,— продолжал бесстрастный голос в динамике.

Глядя перед собой невидящим взором, Халлорхен покачал головой

— Не могу

На дисплее монитора появились цифры отсчета.

— Три... две... одна... ПУСК!

Голос Шилы звучал теперь совсем издалека, но все же отчетливо: «Хоть раз в жизни, Джерри Халлорхен, ты должен принять решение, исходя из этических, нет — моральных соображений. Поступи по велению совести!»

Олмер был в отчаянии. Голос его перешел в дрожащий фальцет.

— Сэр... Приказ на запуск! Поверните ключ!

Джерри сидел не шевелясь, чувствуя спокойствие и смирение, полностью приемля свою судьбу.

Повернувшись к лейтенанту Олмеру, он четко произнес:

— Не могу.

Сверлящий уши визг заполнил крохотное пространство подземного помещения. Командир комплекса Джерри Халлорхен молча ждал следующего мгновения...

О конце света возвестил не грандиозный взрыв и даже не шлепок, нет, просто наступила полная тишина.

Над зелено-бурой поверхностью планеты Земля выросли грибовидные облака. По Северной и Южной Америке зигзагами пробежали трещины, и оттуда рваными клочьями завихрился дым.

— Какого черта? — спросил Дэвид Лайтмен.

Он отложил в сторону дистанционный пульт управления и покрутил колесико «громкость» старенького цветного телевизора «Сильвания», но звук не вернулся. Изображение Земли на экране разлетелось на мелкие кусочки, и ярко-малиновые буквы оповестили:

КОНЕЦ.

Дэвид Лайтмен откинулся на стуле и хлопнул себя по лбу:

— Подпрограмма финального взрыва!

Ну конечно, он совсем забыл про эту глупую штуку! Дэвид рассмеялся. Все остальное, что он записал для программы игры «Разрушители планеты», было замечательно! Не хуже, чем кассеты с игрой «Звездные налетчики» фирмы «Атари». В его варианте и изображение, и звуковые эффекты были лучше.

Семнадцатилетний паренек щелкнул тумблером на потертой клавиатуре компьютера «Альтаир» и отключил дисковод; тот со скрежетом остановился. Н-да, неплохо было бы достать новые дисководы. Но свой «Альтаир» он не променяет ни на что. Вместе с дополнительными блоками памяти и периферийными устройствами этот аппарат был шедевром изобретательности — собран по винтикам, скреплен кое-где жевательной резинкой, но работает отлично.

Дэвид почесал сквозь футболку живот и задумался. Вроде он составил программу электронной игры по всем правилам. Ловушка для космических пиратов подстроена лихо, сторожевые космические корабли вокруг Земли — просто блеск, а финальный взрыв, когда Земля разлеталась на куски, возвещая победу игроков, был просто потрясный.

Ладно, попробуем еще разок.

— Дэвид! — позвал снизу отец. Старик никогда не удосуживался подняться и постучать в дверь. Он просто орал: — Дэвид! Обед готов!

Дэвид со вздохом подошел к двери.

— Еще минуту, о'кэй?

— Еда на столе. Второй раз звать не буду!

Чччерт! Когда мама готовила обед, отец садился есть, даже не спросив, где сын. Но когда мама уезжала торговать недвижимостью и старик кухарил сам, присутствие было обязательно, хотя в готовке Гарольд Лайтмен смыслил столько же, сколько в квантовой механике.

Машина напечатала последнюю часть программы, Дэвид схватил толстый блокнот, шариковую ручку и кубарем скатился с лестницы. Сев за аккуратно сервированный стол, Дэвид шмякнул блокнот рядом с тарелкой.

— Сделал уроки? — осведомился Гарольд Лайтмен.

— Уже отбомбился,— промычал сын.

— Хотелось бы, чтобы в этом полугодии оценки были получше!

— Будут. Обещаю.

— Хорошо.— Мистер Лайтмен двинулся к столу, помешивая варево.

Дэвид, не веря глазам своим, уставился на дымящееся содержимое кастрюльки.

— Сосиски с горошком? И ради них я мчался сюда сломя голову?! — Вздохнув, Дэвид вывалил себе на тарелку изрядную долю этой бурды. Мистер Лайтмен принялся жевать, нахмурив брови.

— Не скрою, Дэвид, мне было бы приятно хоть когда-нибудь иметь возможность побеседовать с тобой за столом, как принято у нормальных людей. Но ты вечно погружен в свою компьютерную галиматью или псевдонаучную фантастику. Скажи, есть ли предел этим дурацким занятиям?

— Па, для меня это очень важно,— рассеянно ответил Дэвид.

— И над чем же ты трудишься?

— Составляю программу для одной игры.

— Очень интересно.

— Да. Если удастся продать ее, можно будет неплохо заработать.

— И как же называется это прибыльное произведение?

— Секрет. Когда закончу, может быть, покажу тебе.

— А почему не сейчас?

— Ты не поймешь. Она еще не отлажена. И потом, я хочу запатентовать[1] ее.

— Когда получишь гонорар, подумай о покупке нового костюма, Дэвид. Возможно, тебе захочется надевать его почаще, отправляясь в церковь. Пастор Клинтон уже осведомлялся о тебе.

— Беспокоится, что́ у меня на душе, да?

— Он любит тебя, Дэвид.

— Как же! Ему просто надо записать еще одну душу в лоно церкви и получить у Христа дополнительное очко! Для него это игра

Отец безнадежно вздохнул.

— Дэвид, сегодня вечером собрание молодежной церковной лиги. Я подумал, раз мамы нет дома, могли бы пойти вдвоем..

— Спасибо, па, не могу.

— Будь это дурацкий видеоклуб, фильм серии «Р»[2] или концерт панк-рока, ты бы помчался, задрав хвост!

— Па, не надо! Сейчас это уже не панк, а «новая волна».

— Мне все равно, как это называется, Дэвид. Для меня это все дребедень!

— Остынь, па. Я не хочу идти на собрание церковной лиги. Я вообще никуда не пойду, потому что хочу закончить программу.

— Бред какой-то! У меня впечатление, что компьютер тебя увлекает больше, чем девочки. Мать интересовалась, кто твоя подружка. Пустой вопрос! У тебя никого нет.

Дэвид пожал плечами и отхлебнул из чашки молока.

— Па, давай договоримся. Не приставай, о'кэй?

— Что ты нашел в этих железках? Как можно часами — днями! — просиживать взаперти, вперившись в экран, без конца набирать цифры на клавиатуре и уничтожать космических пришельцев или кто там они у тебя!

Дэвид встал, собрал свои листочки и сунул их под мышку.

— Это такой кайф, па!

— Ты даже не доел, Дэвид.

— Отдай Ральфу. Он за домом возле мусорного бака.

— Знаешь, в старые добрые времена отцы наказывали сыновей, сажая их под замок в комнату. В твоем случае это все равно что пустить братца кролика на морковное поле.

— Да. Пока, па!

Войдя в свою комнату, Дэвид быстро вставил гибкий диск в дисковод, запустил его и занялся делом. Всего за час он нашел нужные звуки и запрограммировал их в игру.

На экране зажглись яркие вспышки — взрывались космические корабли. Серией залпов он прикончил последний космический сторожевик. В перекрестье прицела четко обозначились очертания планеты Земля. Он нажал красную кнопку. Лучи наведения уперлись в Землю. Ядерные ракеты, распустив огненные хвосты, с шипением понеслись на цель.

Дэвид прибавил звук.

На сей раз о конце света возвестил не только грандиозный взрыв, но дикие крики и визги, сменившиеся погребальной музыкой.

Раздался стук в дверь.

— Дэвид! Что у тебя стряслось?! Ты жив?

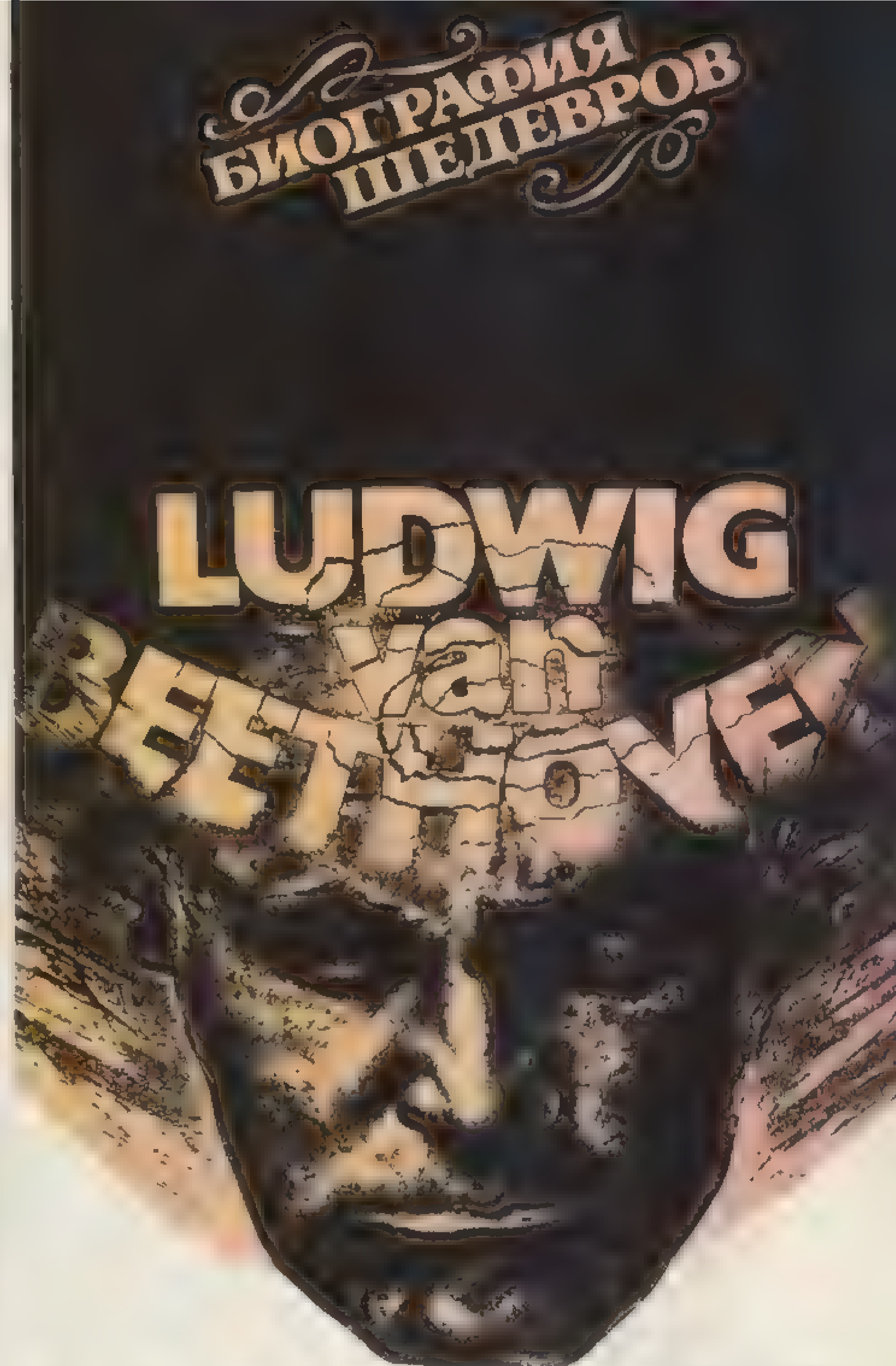
Дэвид Лайтмен выключил компьютер и улыбнулся.

Перевел с английского М. МАШИН

Продолжение следует

[1] *В США каждую принципиально новую видеоигру можно запатентовать.— Здесь и далее прим. пер.*

[2] *Фильм, на который подростки до 18 лет допускаются только с родителями*

Стефан ПРОДЕВ,
болгарский писатель

СИМФОНИЯ

ЛЕГЕНДА О 3-й, «ГЕРОИЧЕСКОЙ»

Генерал стремительно влетел в зал, нарушив размеренную строгость этикета,— Вена еще никогда не видела столь бесцеремонного дипломата. Мажордом едва успел провозгласить:

— Посол Французской Республики, гражданин генерал Бернадот!

Слова «Французской Республики» и «гражданин генерал» были выделены мажордомом особо, отчего все присутствовавшие как бы окаменели. (Хотя армии Наполеона были уже в Штирии, австрийский двор делал вид, что Республики не существует.) Кринолины перестали шуршать, веера замерли, напудренные парики склонились друг к другу, и сдержанный, сдавленный голос произнес с плохо скрытым раздражением:

— Генерал, вы мой гость!

Голос принадлежал хозяину дома, русскому послу графу Разумовскому

Гражданин генерал небрежно кивнул головой. Он был худ и смугл. Неровно подстриженные, словно опаленные недавними пожарищами черные волосы свободно падали на плечи. Скромный мундир артиллериста не был украшен наградами, но грудь пересекала широкая трехцветная лента Первой Республики [1]. Длинные ноги ни минуты не стояли спокойно, и от этого весь облик их обладателя казался мальчишеским, дерзким, что еще больше смущало чинные парики. Молодой генерал знал о впечатлении, которое производит, и, казалось, стремился усилить его вызывающей свободой своих манер, повергая салоны в надменный нервический смех.

Иначе и быть не могло, потому что всего лишь год назад генерал был... сержантом. В вихре головокружительной карьеры Бернадоту не хватило времени научиться светскому этикету. Генералом он стал после блистательных побед у Мантуи и Вероны, а послом его сделало желание Наполеона унизить Вену После заключения перемирия в Кампоформио [2] Бернадота вызвали в Париж, и гражданин генерал превратился в дипломата

Прибыв в Вену, Бернадот занял дворец в самом центре города, на Вальнерштрассе, и первым делом приказал убрать украшавшие здание регалии французских королей, а затем послал своего секретаря к министру иностранных дел барону фон Тугуту, требуя аудиенции у его императорского величества. Фон Тугут пришел в ужас от такой наглости и начал сложную дипломатическую игру, дабы сбить гонор с

«господина гражданина». Но нервы у Бернадота оказались крепкими, он охотно принял вызов императорского сановника, назвав состязание с ним «дуэлью без правил». И пока фон Тугут придумывал все более сложные ходы против нахального гостя, генерал широко распахнул двери своего дворца для венского общества. Кроме трех секретарей, к новоиспеченному дипломату приставили скрипача-виртуоза: правительство Франции полагало, что в Вене с помощью такой приманки можно достичь многого. И предположения оправдались.

Концерты скрипача — его звали Родольф Крейцер — продемонстрировали, что у Республики есть не только пушки, но и музыка. Любопытство венцев разгоралось. В резиденции на Вальнерштрассе стали бывать все — и те, кого привлекала скрипка Крейцера, и те, кто хотел посмотреть на скандального дипломата, и те, кто мечтал о республике в Австрии. В конце концов фон Тугут признал себя побежденным и дал аудиенцию в честь Бернадота. Аристократические салоны были вынуждены последовать его примеру, и французский посол стал завсегдатаем столичных приемов и балов. Даже граф Разумовский, баловень императорского двора, был вынужден пригласить молодого генерала на свой традиционный мартовский бал.

Когда гражданин генерал ворвался в зал, Бетховен стоял у большого белого рояля. Разумовский лично пригласил композитора «сымпровизировать что-нибудь для гостей»: граф считался покровителем музыкантов, и его приглашение было равносильно приказу. Разумовский обожал Гайдна, что предопределило намерение Бетховена исполнить несколько вариаций на темы гайдновских фуг. Но появление Бернадота подсказало ему иное решение.

Бетховен познакомился с генералом на одном из крейцеровских концертов и, к неудовольствию Тугута, стал посещать особняк на Вальнерштрассе: ему пришлись по сердцу жизнерадостность и демократичность молодого посла. Еще в юности Бетховен часто бывал с отцом в Тионвилле и Меце, где на постоялых дворах он слышал песни и танцы мятежной Франции. Хотя после революции пути во Францию были закрыты, до Вены долетали мелодии, вызывавшие у него симпатию и интерес. Созданные Керубини, Госсеком, Мегюлем, эти песни были сплавом народного ликования и народного гнева. Одна из них производила на Бетховена особое впечатление. Она называлась «Марсельезой», рассказывали, что ее сочинил за одну ночь какой-то офицер [3]. Вот почему появление Бернадота в Вене так взволновало композитора: этот смуглый генерал возвращал его к годам Тионвилля и Меца, к молодости, которая торжествовала в Париже.

Появление Бернадота на приеме Разумовского вызвало у Бетховена ощущение радостного подъема. Словно вступив в заговор с гражданином генералом, Бетховен весело наблюдал за растерянными лицами аристократов, вынужденных допустить в свою среду этого неотесанного француза. И когда граф Разумовский, обращаясь к гостям, предложил насладиться чарующими звуками музыки, Бетховен бросил взгляд на Бернадота и решил: «Здесь нужен не Гайдн. Я покажу им нечто другое, чего они не ждут».

Он сел к инструменту, взял несколько низких аккордов, и в зал полилась мелодия марша, прерываемая веселыми пассажами, полными блеска и остроумия. Низкие аккорды повторялись через равные интервалы, подобно грохоту барабанов, а в высоких регистрах звенели чудные трели, словно птицы и колокола славили чью-то победу. Импровизация разворачивалась, низвергая водопады звуков, напоминавших звон сабель. Безнадежно ожидая цитат из своего любимого Гайдна, хозяин недоуменно смотрел на композитора. Бетховен импровизировал на тему совсем неизвестной мелодии, в которой не было ровным счетом ничего от привычных изысканному венскому слуху изящных звуков. В настороженно притихшем зале гремели бурные, можно сказать, грубые, плебейские страсти. Гости были удивлены: они не привыкли к подобным музыкальным загадкам. Только генерал Бернадот, застывший между герцогиней Эстергази и князем Лобковицем, слушал, подавшись навстречу музыке, с раскрасневшимся от волнения лицом. Он-то знал, на какую тему импровизирует Бетховен. Чудесный музыкант «мял» в руках «Походную песню» Мегюля, которая вдохновляла санкюлотов [4]. Бернадот и сам не однажды пел ее, а в последний раз — на гренадерском биваке близ Вероны за два часа до атаки, принесшей ему генеральское звание. Бернадот слушал импровизацию, и ему казалось, что в зал вот-вот ворвется кавалерия Моро и превратит все эти парики, веера и лорнеты в облако пыли. Бетховен еще несколько раз взмахнул руками, как бы собрав воедино барабаны, птиц и трубы, и оставил последнюю ноту умирать в тишине. Публика аплодировала вяло, и только Бернадот, этот нахал, высоким голосом прокричал «браво!». Сие «браво!» еще больше смутило гостей, и граф Разумовский сухо заметил:

— Сегодня наш маэстро всех очень удивил.

Затем, обращаясь к Бетховену, он холодно спросил:

— На какую тему вы импровизировали?

— На тему, которая очень меня волнует, ваше высочество,— ответил музыкант с низким поклоном.

— Интересно! — пробормотал граф и добавил: — Иногда у вас наблюдаются странные мысли...

Бетховен хотел что-то ответить, но не успел, потому что старая Эстергази проворчала:

— Бедный рояль, граф! После такой музыки его надо отправить на проверку в тайную канцелярию графа Кобленца...

Намек был слишком откровенен, и князь Лобковиц, ценивший Бетховена, счел нужным вмешаться.

— То, что мы услышали, действительно странно, но совсем неплохо,— заметил он.— Людвиг большой музыкант и имеет право сам выбирать темы для импровизации...

— Да, да,— недовольно поморщился Разумовский и махнул белой перчаткой оркестру, расположившемуся в одной из лож балкона.

Дирижер в форме егерского полка поднял палочку, и полилась сладкозвучная увертюра, которой открывались все балы в Вене. Менуэты и кадрили вернули графу праздничное расположение духа, сгладив тягостное впечатление от импровизации маэстро...

Бетховен не любил аристократических балов и сразу после первого менуэта начал пробираться к выходу. Набрасывая на плечи пелерину, лакей незаметно сунул ему записку. Музыкант остановился на лестнице и развернул белый листок: «Благодарю Вас от имени Республики! Через час жду Вас на Вальнерштрассе. Ваш Бернадот». Бетховен оглянулся — не видел ли кто, что он читал записку? — и вышел. У выхода вертелись два агента Тугута, повсюду сопровождавшие посла Франции, а заодно приглядывавшие за его друзьями.

На улице шел дождь. Фонари карет

---

[1] *В результате буржуазно-демократической революции 1789—1794 годов во Франции была установлена республика, названная Первой.— Здесь и далее прим. ред.*

[2] *Итальянский поход Бонапарта начался в 1796 году и был направлен против австро-сардинских войск в Северной Италии. После побед наполеоновской армии в мае 1796 года Сардиния заключила с Францией мир. 10 мая Бонапарт разгромил австрийские войска у Лоди, а затем занял Милан. Осенью австрийские войска потерпели поражение в битвах при Кастильоне, Арколе и Риволи, в феврале 1797 года пала Мантуя. В марте французы вторглись в Австрию и начали наступление на Вену. В апреле было подписано Леобенское перемирие, а 17 октября заключен Кампоформийский мир.*

[3] *Автор «Марсельезы» — капитан Рейнской армии Руже де Лиль.*

[4] *Во времена Великой французской революции аристократы презрительно называли санкюлотами городскую бедноту, носившую длинные брюки из грубой материи (в отличие от дворян и буржуа, носивших короткие штаны с шелковыми чулками; «sans» — «без» и «culotte» — «короткие штаны»); в дальнейшем санкюлотами стали называть себя патриоты и революционеры.*

отражались в мокрой брусчатке площади. Кони, покрытые короткими попонами и капюшонами, на которых были вышиты короны и гербы, тихо пофыркивали. Маэстро почувствовал их теплое дыхание и подумал, что и сам он не более чем усталый конь, запряженный в тяжелую телегу времени.

Ровно через час посол лично встретил Бетховена в своей резиденции. Бернадот был в белой простой рубахе с пышными рукавами, стянутой на талии широким красным поясом.

— Проходите, маэстро! — радостно воскликнул он.— Я счастлив, что вы приняли мое приглашение!

Гость сердечно пожал протянутую ему руку и бросил взгляд на входную дверь.

— Барон Тугут уже проинформирован о моем визите?

Бернадот рассмеялся:

— Большое дело! Барону, наверное, известно, что вы не чиновник, а свободный музыкант...

— В Вене все чиновники, генерал! — ответил Бетховен и добавил: — Здесь единственный свободный музыкант — эрцгерцог.

— Забавно! И на чем же играет ваш хозяин?

— На чем угодно! Вы, наверное, помните, что последний король Франции чудесно играл на... часах с боем!

Посол рассмеялся и пригласил музыканта в свой кабинет. Это была маленькая комната в стиле рококо с высокими окнами, закрытыми шторами с воланами. Напротив двери стоял письменный стол, на котором горели свечи в дорогих подсвечниках. Стены были белыми, без всяких украшений, и только легкие тени свечей нарушали их монотонность. Еще одним пятном на стене за письменным столом выделялась большая картина, почти закрытая склоненным знаменем. Мужчины уселись в кресла перед столом. Обстановка была интимной, спокойной и располагала к разговору.

Бернадот придвинул поближе подсвечник и сказал:

— Сегодня вы тронули мое сердце, друг... Эта песня еще никогда не звучала так вдохновенно. Ваш гений превратил ее в шедевр, и я не мог сдержать волнения. Судя по всему, граф почувствовал это и огорчился...

— Гневаться — право его высочества, гражданин генерал,— отметил с легкой иронией Бетховен.— Мой музыкальный подарок был адресован не ему, а вам. Конечно, граф не знает этой песни, но он достаточно образован, чтобы почувствовать «французскую интонацию». И к тому же ваше «браво»...

— Но тогда зачем вы это сделали? — спросил Бернадот.

Музыкант развел руками:

— Как вам объяснить? Я импровизировал под влиянием момента... Ваше появление в зале мне понравилось. Оно мне напомнило о Рейне, Эльзасе, о ваших гусарах, обращавшихся к немецким крестьянам: «Идите к нам, братья!» Кроме того, последнее время я часто вспоминаю некоторые наши разговоры о Бонапарте...

— О! — воскликнул хозяин.— И что привлекает вас в них?

— Что? — повторил композитор и задумчиво ответил: — Проблема героя, генерал!.. Карьера Бонапарта необыкновенна [5], и я постоянно о ней думаю. Чему больше обязана эта карьера: личности человека или условиям, которые предлагает эпоха?.. Когда я слушаю вас, я думаю об этой личности, которую вы боготворите. А когда остаюсь один, слышу топот миллионов ног, вижу знамена Франции и, не знаю почему, думаю о народе. Где правда? Иногда мне кажется, что она и в том, и в другом. Нередко я склонен ставить Наполеона превыше всего... но прав ли я? И все же ваш герой мне очень близок.

Генерал встал.

— Пожелаем Бонапарту успеха, маэстро! Его личность притягивает не только вас, она покорила всю Францию. А через какое-то время покорит и сердце Австрии. Все, кто не согласен с титулами и привилегиями, которые они дают всяким там кинским, шварценбергам, фердинандам, неизбежно станут солдатами Бонапарта. И это будет в порядке вещей, мой друг, потому что наш герой не просто талантливый полководец. Он идея...

Бетховен строго заметил:

— И все-таки он такой же человек, как все...

— Вы не правы! — воскликнул Бернадот.— Вы не видели его в бою, не слышали его голоса, вам неведома сила его взгляда... Солдаты следуют за ним будто загипнотизированные. Одного его жеста достаточно, чтобы они бросились в ад и выиграли бой. Он и сам храбр. А знаете ли вы, как важно быть храбрым, если на тебя возложил надежду народ?

Посланник указал на картину, которую прикрывало знамя:

— Взгляните на это полотно! На нем изображена битва при Арколе. И мост над буйной Альпоне, по которому Бонапарт повел полки против австрийцев. В том бою он был неуязвим, словно заговоренный. Пули дырявили его мундир, но он оставался невредимым. Я был с ним рядом и слышал, как он кричал охрипшим голосом: «Ребята, вперед за вашим генералом!» И мы, его ребята, шли как завороженные. Фугасы разносили мост на куски, а он летел вперед с саблей наголо, под развевавшимся знаменем гренадеров, победивших при Лоди. Когда мы оказались на другой стороне моста, Бонапарт опустился на землю и заплакал. Я никогда не видел его таким счастливым...

Бетховен был взволнован и попросил показать картину. Генерал поднял подсвечник. Свет выхватил из мрака очертания дьявольского моста над Альпоне. Впереди леса штыков шел невысокий черноволосый мужчина с юным, по-женски нежным лицом. А над его головой в облаках порохового дыма развевалось трехцветное знамя Республики.

— Значит, это он! — Композитор смутился — его удивило слишком юное лицо героя. Затем он приблизился к картине и удивленно спросил: — Он на самом деле так выглядит?

— Да, так! — ответил Бернадот и поспешил уточнить: — Однако не заблуждайтесь! То, что скрыто за этим лицом, выковано из стали. Даже сердце...

Бетховен задумался. Герой был его сверстником, а походил на юношу. Может быть, он никогда не знал страданий или же революция хотела его видеть именно таким, неподвластным времени и возрасту? Невозможно было поверить, что это миловидное создание и есть тот самый грозный корсиканец, который разгромил отборную армию Австрии. Он слышал, как старые австрийские солдаты называли Бонапарта зверем. А этот человек, если верить художнику, напоминал поэта, осененного вдохновением. В нем было что-то от Новалиса [6], от романтического «ты расправишь отяжелевшие крылья души». Разве возможно вдохновение среди стольких смертей? Музыкант еще раз взглянул на картину и тихо произнес:

— Теперь я понимаю, почему вы побеждаете, генерал...

Бернадот удивленно поднял брови.

— Да, да. Теперь я это понимаю. Как и во времена Орлеанской девы Франция доверила свою судьбу молодости. Революция любит детей и доверяет им. А у нас все старо: и министры, и генералы, и идеи. Поэтому мы не можем вас понять, поэтому боимся ваших порывов...

— И немножечко завидуете, не так ли? — спросил посол.

— Не знаю, как другие, но я вам завидую,— продолжал все так же тихо Бетховен, глядя Бернадоту в глаза.— Бонапарт моих лет, а вершит чудеса. Как же ему не завидовать? Он громит монархии, а я забавляю салоны своей музыкой. Ему дозволено все, а мне... Наполеон велик, потому что рушит традиционные представления о войне. Генерал Вурмсер предстал перед ним с классической диспозицией, но он атаковал его вовсе не в классическом стиле и самым непочтительным образом гонял, словно зайца, по полям Ломбардии. Ваш полководец — новатор, его интересует результат, а не поза. Его «оркестр» играет как хочет, а мой зависит от закоснелых вкусов разных профанов. Теперь вы понимаете, почему я ему завидую? У меня есть крылья, а расправить их я не могу. Это страшно!

Музыкант нервно шагал по комнате. Француз наблюдал за ним смущенно: он не подозревал, что Бетховен так не-

[5] *В то время — в 1798 году,— когда, как предполагается, Бетховен встречался с Бернадотом, Наполеон Бонапарт был главнокомандующим французской армией; с 1799 года Бонапарт — Первый консул Франции, а в 1804 году был провозглашен императором.*

[6] *Новалис (1772—1801) — немецкий поэт и философ, представитель раннего романтизма.*

терпим к обществу, в котором живет. Гений раскрыл перед ним душу, в которой боролись демоны и клокотали сомнения. Этот сильный человек был похож на птицу, заключенную в клетку. Клетка, правда, была золотой, украшенной лентами и улыбками, но тесной. В ней было все для благополучного существования, но не было неба. Бетховен мечтал летать высоко, а зависел от рутины салонов, от прихотей и подачек императорского двора. Даже женщины, с которыми его сводила судьба, были частью суеты и капризов Вены. Талант нуждался в поддержке, в вере, в больших идеях и целях, а получал лишь снисходительные приглашения на балы и анемичное «браво» аристократов: для них музыка была забавой, для него — судьбой. Бернадот взглянул в полные боли глаза композитора и неожиданно почувствовал: он должен сказать что-то важное, значительное, что отвлечет от страданий и окрылит.

— Послушайте, маэстро,— проговорил генерал и протянул руку к картине.— Почему вы не напишете о нем?

— О ком?

— Да о Бонапарте! Об этом славном муже, которого, как я мог заметить, вы цените... В истории битва при Арколе останется. Но почему не запечатлеть ее и в музыке? Вы способны вновь взять мост через реку Альпоне... Увертюра или симфония превратят его в символ...

Бетховен отступил на шаг и ответил резко:

— Вы сошли с ума, генерал! Я живу в Вене, а не в Париже!

— Оставьте это, друг! Вы живете в царстве красоты, и никто не имеет власти над вами... Вашему таланту тоже нужен мост в бессмертие. И я вам его предлагаю!

Музыкант долго молчал. Затем схватил подсвечник, подошел к картине и осветил лицо Бонапарта.

— Слышите ли вы барабаны, маэстро? — воскликнул за его спиной посол.— Слышите ли вы трубы? Слышите ли стоны умирающих?

— Я слышу свое сердце,— тихо сказал Бетховен, и рука его задрожала.— Я слышу какую-то далекую, но страшную музыку, и меня охватывает страх...

— Не бойтесь, запоминайте ее! Завтра эта музыка завладеет Веной, Парижем, всем миром. Может быть, она станет для вас вашей победой при Арколе... Да, да, я чувствую — именно такая тема вам нужна. Она станет вашим Арколе, и вы сможете воскликнуть: «Оркестры, вперед за вашим генералом!»

— О господи! — вздохнул Бетховен и спросил: — У вас есть фортепиано?

Француз бросился к двери, широко распахнул ее и заорал, как перед атакой:

— В доме сержанта Бернадота есть все... Пожалуйте!

Рядом с кабинетом находился кокетливый розовый зал, в центре его стояло фортепиано, инкрустированное костью и серебром. Посол открыл крышку и сдул с клавиш пыль.

— Вот, пожалуйста...

Бетховен придвинул ногой табурет, уселся поудобнее и положил руки на клавиатуру. Затем подался вперед, мотнул львиной гривой и заиграл...

Тысяча чертей! Откуда только бралась эта мощь? Бернадот впервые попал в такой ураган музыки. Словно там, внутри фортепиано, гремели мортиры. Лавины звуков рвали струны и рассыпались, подобно брызантам. Может быть, возбужденная только что виденной картиной фантазия композитора «рисовала» бой? И это Аркольский мост взлетал в воздух, разнесенный взрывами басов и человеческими воплями средних регистров?.. Горящие бревна и трупы падали в воду, сопровождаемые безумным писком высоких нот и сигналами труб, зовущих в атаку. А среди всей этой бури звуков летела вперед, подобно знамени, одна властная мелодия, главная тема...

Бетховен налегал на фортепиано словно наездник, пришпоривший коня. Лицо его горело, повлажневшие волосы спутались. Бернадот замер в углу зала. Впервые в жизни он не слышал музыку, он видел ее: настолько ясной, предметной была каждая фраза! Ураган нарастал, и генерал вспоминал каждый свой шаг по дьявольскому мосту, чувствовал за спиной дыхание тысяч солдат. Впереди бежал Наполеон, обвитый развевающимся знаменем, в надвинутой на глаза треуголке. Еще мгновение, и все это должно было скрыться в кипящей воде реки, но австрийцы не выдержали, и замелькали их спины. Арколе был взят. Безумство храбрых победило логику классической диспозиции.

И вновь видел Бернадот слезы на лице Бонапарта, который, опираясь на саблю, принимал капитуляцию от вражеского полковника в ослепительно белом парике, забрызганном кровью. Он видел его и почему-то подумал, что в такой миг Бетховен держался бы так же. В музыке было что-то от властности солдата. От силы полководца, не знавшего поражений...

Бетховен поднял руки для нового удара по клавишам, но вдруг надменный голос прервал магию звуков.

— Что здесь происходит? Еще немного, и дворец рассыплется!

Перевел с болгарского
В. МИЛЮТЕНКО

Продолжение следует

ДВЕНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ XII ВСЕМИРНОГО. В Москву на фестиваль каждый приезжал со своей заботой и надеждой, радостью и болью, потому что знал: Москва — столица государства, Коммунистическая партия которого всегда была верна девизу: «Мир без войн, без оружия — идеал социализма». Этот девиз начертан и в проекте новой редакции Программы КПСС. Каждый рассказывал о том, что делает молодежь его Родины, чтобы отстоять мир, добиться социального прогресса, рассказывал о том, как строят он и его сверстники новую жизнь или мечтают о ней, борются за превращение мечты в реальность.

Снимок фотокорреспондента Е. СТЕЦКО на первой странице обложки запечатлел это мгновение XII Всемирного — мгновение уверенности молодежи мира в своем будущем, готовности бороться за него.

В НОМЕРЕ:

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: Б. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ

Художественный редактор В. В. Рыжов
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Т. П. Максимова
Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.
Сдано в набор 16.12.85. Подп. к печ. 16.01.86. А07617. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,3. Тираж 1 130 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 2323.
Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

«Праздник
в объединении».
Даваху Цэрэндашийн,
Монголия.

«Товарищи
по оружию».
Теодозия Млынарска,
Польша.

«Семья в красном
и голубом».
Мартинес Гонсалес,
Куба.

«Братский пейзаж».
Вольфганг Маттойер,
ГДР.

«После выпуска
плавки».
Мария Медведка,
Чехословакия.

«Планета в цветах».
Янош Орос, ВНР.

Мир после войны. Каким он стал? Каким ему быть? Мы продолжаем знакомить наших читателей с работами художников из социалистических стран, показанными в Москве на выставке «40 победных лет».

Индекс 70781
Цена 35 коп.